



СТИВЕН КИНГ

Воспламеняющая

Стивен Кинг
Воспламеняющая
Серия «Король на все времена»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23230509
Кинг, Стивен. Воспламеняющая : [роман]: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-101175-8

Аннотация

Много лет назад Энди Макги и его будущая жена приняли участие в секретном эксперименте таинственной Конторы.

Позже у них родилась дочь. Маленькая девочка по имени Чарли, обладающая особым даром.

И теперь Контора хочет заполучить ее, чтобы использовать в собственных целях.

И Энди вынужден бежать – бежать, чтобы спасти единственную дочь...

Так начинается «Воспламеняющая» – один из лучших романов Стивена Кинга, положенный в основу культового фильма с Дрю Бэрримор и Дэвидом Китом в главных ролях.

Содержание

Нью-Йорк/Олбани	6
1	6
2	19
3	32
4	36
5	39
6	44
7	47
8	53
9	56
10	57
11	58
12	60
13	70
14	74
15	77
16	80
17	86
18	88
19	92
20	96
21	98
22	102

23	104
24	114
Лонгмонт, Виргиния: контора	115
1	115
2	119
3	121
4	129
5	137
6	138
7	155
Происшествие на ферме Мандерсов	162
1	162
2	170
3	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Стивен Кинг

Воспламеняющая

*В память о Ширли Джексон, которой никогда не
приходилось повышать голос*

«Призрак дома на холме»

«Лотерея»

«Мы живем в замке»

«Солнечные часы»

*Жечь было удовольствием.
Рэй Брэдбери. 451° по Фаренгейту*

Stephen King
FIRESTARTER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King, 1980

© Перевод. В.А. Вебер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Нью-Йорк/Олбани

1

– Папуля, я устала. – В голосе девочки в красных брючках и зеленой блузке слышалось недовольство. – Давай остановимся.

– Чуть позже, лапочка.

Высокий, широкоплечий мужчина в старом, потертом вельветовом пиджаке и коричневых брюках из твила держал девочку за руку. Они шли по Третьей авеню в Нью-Йорке, шли торопливо, почти бежали. Он оглянулся: зеленый автомобиль никуда не делся, медленно катил следом по крайней правой полосе.

– Пожалуйста, папуля, *пожалуйста*.

Он посмотрел на дочь, увидел, какое бледное у нее личико. И под глазами мешки. Поднял ее, посадил на руку, но не знал, как долго сможет так ее нести. Он тоже устал, а Чарли уже не пушинка.

Часы показывали половину шестого вечера, и на Третьей было полно людей. Номера пересекающих авеню улиц приближались к седьмому десятку, сами улицы становились все темнее и пустынее... Чего он и опасался.

Они наткнулись на женщину, которая толкала ходунки с

корзинкой, полной продуктов.

– Смотри, куда прешь, – фыркнула женщина и растворилась в спешащей толпе.

Его рука начала неметь, он пересадил Чарли на другую, вновь обернулся. Зеленый автомобиль следовал за ними, отставая примерно на полквартила. Двое мужчин на переднем сиденье и, кажется, на заднем – еще один.

Что мне теперь делать?

Он не знал ответа на этот вопрос. Он устал и был напуган, и почти не мог думать. Они поймали его в крайне неудачный момент, и, похоже, ублюдки это понимали. Ему хотелось опуститься на грязный бордюрный камень и завывать, выплескивая растерянность и страх. Но это не ответ. Он взрослый, и ему придется думать за двоих.

Что нам теперь делать?

Отсутствие денег. Самая главная проблема, если забыть про мужчин в зеленом автомобиле. Без денег в Нью-Йорке никак нельзя. Без денег люди в Нью-Йорке исчезали. Словно проваливались сквозь землю, и больше их никто никогда не видел.

Он опять оглянулся, увидел, что зеленый автомобиль приблизился, и струйки пота чуть быстрее побежали по его спине и рукам. Если они знали – а он подозревал, что так и есть, – насколько ослаб его импульс, то могли попытаться взять его здесь и сейчас. Не обращая внимания на людей. В Нью-Йорке, когда что-то происходит не с тобой, у тебя раз-

вивается загадочная слепота. *Они следили за мной?* – в отчаянии гадал Энди. Если следили, то знали, что игра окончена. Если следили, то знали расклад. Как только у Энди появлялись какие-то деньги, на время странности прекращались. Те странности, которые их интересовали.

Не останавливайся.

Само собой, босс. Понятное дело, босс. Куда идем?

В полдень он зашел в банк, потому что ожил внутренний радар: интуитивное чувство, что *они* вновь на хвосте. В банке у него лежали деньги, и их хватило бы, чтобы они с Чарли смогли при необходимости перебраться в другое место. И что обнаружилось? У Эндрю Макги больше не было счета в «Объединенном банке химической промышленности», ни личного, ни корпоративного, ни сберегательного. Все они растворились, как дым, и тут он понял, что на этот раз его действительно хотят прижать к стене. Неужели это произошло лишь пять с половиной часов тому назад?

Но, может, что-то все-таки оставалось? Жалкие крохи. С последнего случая прошла почти неделя: тот мужчина с суицидальными наклонностями, который пришел в «Союзнки уверенности» на обычную встречу в четверг вечером и с удивительным спокойствием заговорил о самоубийстве Хемингуэя. Провожая этого человека, приобняв его за плечи, Энди послал ему импульс. Теперь он с горечью думал, а стоило ли оно того? Потому что все складывалось так, что расплачиваться предстояло ему и Чарли. Оставалось надеяться

на эхо...

Но нет. Энди в ужасе и отвращении оттолкнул эту мысль. Такого никому не пожелаешь.

Совсем чуть-чуть, молил он. Совсем немного, Господи, только чтобы мы с Чарли выбрались из этой передраги.

Но Боже, как ты расплатишься... И на месяц вырубись-ся, превратишься в радиоприемник с разбитыми лампами. Может, на шесть недель. А может, умрешь в прямом смысле этого слова, и твои никчемные мозги вытекут через уши. И что тогда будет с Чарли?

Они подходили к Семидесятой улице, когда зажегся красный свет. Автомобили пересекали Третью авеню. Пешеходы скапливались на углу. И тут Энди понял, что именно здесь мужчины из зеленого автомобиля возьмут их. Живыми, если получится, но если возникнут проблемы... Они могли получить четкие указания и насчет Чарли.

Может, живыми мы им больше и не нужны. Может, они решили сохранить статус-кво? Что делают с неверно решенным уравнением? Стирают с доски.

Удар ножом в спину, выстрел из пистолета с глушителем, вполне возможно, что-то более изощренное: капелька экзотического яда на конце иглы. Патрульный, на углу Третьей авеню и Семидесятой улицы человек бьется в конвульсиях. Возможно, у него сердечный приступ.

Он должен попытаться использовать эти крохи. Ничего другого не оставалось.

Они добрались до толпы на углу. По-прежнему горел красный свет. Энди оглянулся. Зеленый автомобиль остановился. Дверцы со стороны тротуара открылись, из автомобиля вышли двое мужчин в деловых костюмах. Молодые, чисто выбритые – и в отличие от Энди Макги в прекрасной форме.

Он начал проталкиваться сквозь толпу, лихорадочно выискивая взглядом свободное такси.

– Эй, мужик...

– Ради Бога, парень!

– Мистер, вы чуть не наступили на мою *собаку*...

– Извините... извините... извините, – как заведенный повторял Энди. Искал взглядом такси. Не находил. В любое другое время их было бы полно. Мужчины из зеленого автомобиля приближались с твердым намерением схватить его и Чарли, увезти одному только Богу известно куда, в Контору, к черту на рога, а может, сделать кое-что похуже...

Чарли положила голову ему на плечо и зевнула.

Энди увидел пустое такси.

– Такси! Такси! – закричал он, размахивая свободной рукой.

За его спиной мужчины бросили притворяться и побежали.

Такси свернуло к тротуару.

– Стойте! – крикнул один из мужчин. – Полиция! Полиция!

В толпе закричала какая-то женщина, люди кинулись

врассыпную.

Энди открыл заднюю дверцу, посадил Чарли на сиденье, сам нырнул следом.

– В Ла-Гуардию, быстро, – сказал он.

– *Не двигаться, полиция!*

Таксист повернул голову на голос, и Энди послал импульс – совсем крошечный. Кинжал боли вонзился ему в лоб, но тут же исчез, оставив только легкую тень, как бывает по утрам, если ночью спишь, неловко вывернув шею.

– Думаю, они хотят задержать того негра в клетчатой кепке, – поделился он своими наблюдениями с таксистом.

– Точно, – согласился тот, и автомобиль плавно отъехал от тротуара. Они покатали по Восточной Семидесятой улице.

Энди оглянулся. Двое мужчин стояли на бордюре. Остальные пешеходы не хотели иметь с ними ничего общего. Один из преследователей снял с ремня рацию и начал что-то говорить. Потом они исчезли из виду.

– Что сделал этот черный? – спросил таксист. – Ограбил винный магазин или еще что натворил?

– Не знаю, – ответил Энди, думая о том, как продолжить, как выжать из таксиста максимум за минимальный импульс. Они записали номерные знаки? Он полагал, что да. Но они не станут обращаться в полицию города или штата, и он застал их врасплох, ушел из-под наблюдения хотя бы на какое-то время.

– Черные в этом городе – банда наркоманов, – добавил

таксист. – Можете мне не говорить – это я говорю вам.

Чарли клонило в сон. Энди снял вельветовый пиджак, сложил и подsunул ей под голову. Затеplилась искорка надежды. Все еще могло получиться, если он правильно использует сложившуюся ситуацию. Госпожа Удача послала ему – и он думал об этом без всякой предубежденности – человека, легко поддающегося воздействию. Таксист относился именно к этой группе: белый (азиаты по какой-то причине сопротивлялись лучше всех), достаточно молодой (воздействовать на стариков практически не представлялось возможным) и со средним интеллектом (умные поддавались легче всего; с глупыми приходилось напрягаться; с умственно отсталыми все усилия шли прахом).

– Я передумал, – обратился Энди к таксисту. – Отвезите нас в Олбани.

– Куда? – Таксист уставился на его отражение в зеркале заднего вида. – Приятель, я не езжу в Олбани. Ты рехнулся?

Энди достал бумажник, в котором лежала одна долларовая купюра. Возблагодарил Бога, что это такси без пуленепробиваемой перегородки, исключавшей любой контакт с водителем, если не считать щели для передачи денег. Непосредственное общение облегчало работу. Он так и не уяснил для себя, психологическое это воздействие или какое-то другое, но сейчас это значения не имело.

– Я дам вам пятьсот долларов, если вы отвезете меня с дочерью в Олбани. По рукам?

– Го-о-осподи, мистер...

Энди сунул долларовую купюру в руку таксиста, и когда тот бросил на нее взгляд, послал импульс... сильный. На мгновение испугался, что не сработает, что ничего не осталось, он выскреб последние крохи со дна бочки, когда заставил таксиста увидеть несуществующего черного в клетчатой кепке.

Потом пришло ощущение – как и всегда, сопровождаемое кинжальным ударом боли. Желудок наполнился свинцом, а кишки свело и скрутило. Он поднес трясущуюся руку к лицу, гадая, вырвет ли его сейчас... или он умрет. На одно мгновение ему захотелось умереть, как случалось всегда, если он прилагал чрезмерное усилие («Потребляй, но не злоупотребляй», – всплыл из подсознания лозунг канувшего в Лету диск-жокея, хотя он понятия не имел, о чем шла речь). Если бы в этот момент кто-нибудь сунул пистолет ему в руку...

Потом он глянул на Чарли, спящую Чарли, Чарли, верящую, что он вытащит их из этой передряги, как вытаскивал из других, Чарли, убежденную, что он будет рядом, когда она проснется. Да, из всех передряг, только на самом деле это была одна передряга, одна гребаная передряга, и всегда они делали одно и то же: убегали. Черное отчаяние давило изнутри на глаза.

Ощущение ушло... но не головная боль. Ей предстояло становиться все сильнее и сильнее, пока она не превратится

в кувалду, забивающую раскаленные гвозди в голову и шею при каждом ударе сердца. От яркого света глаза начинали слезиться, а плоть за ними пронзали стрелы агонии. Перекрывались носовые ходы, дышать он мог только ртом. Кровь пульсировала в висках. Легкие шумы усиливались, обычные гремели, как отбойный молоток, громкие становились невыносимыми. Боль все росла, и наконец создавалось впечатление, что голову сжимают в инквизиторском черепном прессе, «шапке любви». На таком уровне она держалась порядка шести часов, или восьми, или десяти. Что будет с ним на этот раз, Энди не знал. Ему еще не приходилось посылать столь сильный импульс в таком истощенном состоянии. Но пока в голове властвовала боль, он становился совершенно беспомощным. Так что Чарли предстояло заботиться о нем. Бог свидетель, ей уже доводилось это делать... и тогда им везло. Однако сколько раз человеку может везти?

– Послушайте, мистер, я не знаю...

Это означало, что таксист подумал о проблемах с законом.

– Наша договоренность сохраняется, если вы ничего не говорите моей девочке, – прервал его Энди. – Последние две недели она провела со мной. Должна вернуться к матери завтра утром.

– Права на посещение ребенка, – кивнул таксист. – Я в курсе.

– Видите ли, мне следовало доставить ее туда самолетом.

– В Олбани? Рейсом «Озарк», правильно я понимаю?

– Правильно. Но дело в том, что я до смерти боюсь летать. Знаю, звучит глупо, но это правда. Обычно я отвожу ее сам, однако на этот раз моя бывшая взъелась на меня и... я не знаю. – И Энди действительно не знал, как продолжить. Байку он выдумал на ходу и чувствовал, что зашел в тупик. Возможно, сказывалась крайняя усталость.

– И я высажу вас у старого аэропорта Олбани, чтобы мамуля думала, что вы прилетели, так?

– Именно. – Его голова раскалывалась.

– А мамуля будет думать, что вы не квох-квох-квох, верно?

– Верно. – Квох-квох-квох? И что это могло означать? Боль нарастала.

– Пять сотен долларов, чтобы не лететь на самолете. – Таксист покачал головой.

– Для меня оно того стоит, – ответил Энди и направил последний крошечный импульс. А потом добавил, очень тихо и спокойно, почти в ухо таксисту: – И должно стоять для тебя.

– Послушайте, – в голосе таксиста послышались мечтательные нотки, – я никогда не откажусь от пятисот долларов. Можете мне не говорить – это я говорю вам.

– Хорошо. – Энди откинулся на спинку заднего сиденья. Таксиста все устроило. Шитая белыми нитками история вопросов не вызвала. Он не стал удивляться, что семилетняя девочка проводит две недели у отца в октябре, когда занятия в школе давно начались. Не удивился и тому, что у них не

было даже маленькой дорожной сумки. Его ничего не смущало. Он получил импульс.

И теперь Энди предстояло за это заплатить.

Он положил руку на ногу Чарли. Дочь крепко спала. Всю вторую половину дня они провели в пути, с того самого момента, как Энди зашел за девочкой в школу, где она училась во втором классе, и забрал с урока под уже наполовину забывшимся предложением... бабушка тяжело заболела... позволила домой... извините, что приходится забирать ее посреди учебного дня. При этом он испытывал огромное, нарастающее облегчение: как он боялся, что, заглянув в класс миссис Мишкин, увидит пустой стул Чарли и стол, в который аккуратно убраны книги. *Нет, мистер Макги... она ушла с вашими друзьями примерно два часа тому назад... они принесли от вас записку... что, не следовало ее отпускать?* Воспоминания о Вики вернулись, внезапный ужас пустого дома, испытанный в тот день. Безумная гонка за Чарли. Потому что однажды они уже забирали ее, да, забирали.

Но Чарли была в классе. На сколько он их опередил? На полчаса? Пятнадцать минут? Меньше? Ему не хотелось об этом думать. Они поели в «Натанс» – и после этого не останавливались (Энди признавал, что его охватила паника: они ехали на подземке и автобусах, но по большей части шли пешком). А теперь Чарли совершенно вымоталась.

Он долго, с любовью смотрел на нее. Со светлыми волосами до плеч, спокойно спящая, она светилась красотой. На-

столько напоминала Вики, что щемило сердце. Он закрыл глаза.

На переднем сиденье таксист с восхищением разглядывал пятисотдолларовую банкноту, которую дал ему этот парень. Потом засунул ее в поясной кошелек, предназначенный для чаевых. Ему не казалось странным, что этот мужчина с заднего сиденья разгуливал по Нью-Йорку с маленькой девочкой и пятисотдолларовой купюрой в кармане. Он не думал о том, как будет улаживать все это с диспетчером. В голове крутились совсем другие мысли. К примеру, как обрадуется его подружка Глин. Глинис постоянно твердила, что работать таксистом уныло и скучно. Что ж, осталось только дожидаться, пока она увидит эту унылую и скучную пятисотдолларовую банкноту.

Энди сидел, откинув голову и закрыв глаза. Головная боль росла и росла, неизбежная, как вороной конь без седока в похоронном кортеже. Удары копыт этого коня отдавались в висках: *бух... бух... бух.*

В бегах. Он и Чарли. Сейчас ему тридцать четыре, и годом раньше он работал преподавателем английского языка и литературы в колледже, расположенном в Гаррисоне, штат Огайо, сонном университетском городке. Старый, добрый Гаррисон, в самом сердце Соединенных Штатов. Старый, добрый Эндрю Макги, славный, крепко стоящий на ногах молодой человек. Помните загадку? Почему фермер – столп местного общества? Потому что он всегда возвышается над

своим полем.

Бух, бух, бух. Красноглазый вороной конь без седока вышагивал по коридорам разума, подкованные железом копыта впивались в серое вещество, выдавливая мистические полумесяцы, которые тут же заполнялись кровью.

Таксист легко поддавался воздействию. Само собой. Столп местного общества.

Он задремал и увидел лицо Чарли. А лицо Чарли превратилось в лицо Вики.

Энди Макги и его жена, красавица Вики. Они вырывали ей ногти, один за другим. Вырвали четыре, а потом она заговорила. Во всяком случае, он так думал. Большой, указательный, средний, безымянный. И: «Хватит, я буду говорить. Скажу вам все, что вы хотите узнать. Только не делайте мне больно. Пожалуйста». Так она сказала. А потом... возможно, это был несчастный случай... потом его жена умерла. Что ж, с чем-то нам двоим не совладать, с чем-то не совладать нам всем.

Например, с Конторой.

Бух, бух, бух. Вороной конь без седока вышагивал, вышагивал и вышагивал: и вот, конь вороной¹.

Энди спал.

И вспоминал.

¹ Откровение Иоанна Богослова, 6:5. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Руководил экспериментом доктор Уэнлесс, толстый, лысеющий и как минимум с одной странной привычкой.

– Юные дамы и господа, мы намерены сделать вам по одной инъекции, – говорил он, потроша сигарету над стоявшей перед ним пепельницей. Его маленькие розовые пальцы рвали тонкую папиросную бумагу, выдергивали щепотки золотисто-коричневого табака. – Шестерым впрыснут чистую воду. Шестерым – воду с незначительным количеством химического вещества, которое мы называем «Лот шесть». Его точный состав засекречен, но вещество это обладает гипнотическим и слабым галлюциногенным эффектом. Таким образом, будет использован двойной слепой метод... то есть ни вы, ни мы не будем заранее знать, кому введут чистую воду, а кому – нет. Все двенадцать участников эксперимента будут находиться под постоянным наблюдением сорок восемь часов после инъекции. Вопросы?

Несколько вопросов нашлось, по большей части о точном составе химического вещества «Лот шесть»: слово «секретно» подействовало на участников, как красная тряпка на быка. Уэнлесс с завидной легкостью ушел от прямых ответов. Никто не задал вопроса, больше всего интересовавшего двадцатидвухлетнего Энди Макги. Он даже подумывал над тем, чтобы поднять руку во время паузы, накрывшей практиче-

ски пустой лекционный зал в корпусе, который делили факультеты социологии и психологии Колледжа Гаррисона, и спросить: «Послушайте, а почему вы так раздражаете хорошие сигареты?» Но не спросил. Предпочел дать волю воображению, пока продолжалось это занудство. Уэнлесс пытался бросить курить. Люди с оральной фиксацией курят сигареты; люди с анальной – рвут их. (Это глубокая мысль изогнула губы Энди в легкой улыбке, и он прикрыл их рукой.) Брат Уэнлесса умер от рака легких, и доктор таким способом стравливал агрессию по отношению к табачной индустрии. А может, это один из вычурных закидонов, которые профессора колледжей предпочитали выставлять напоказ вместо того, чтобы подавлять. На втором году обучения в Гаррисоне английский язык и литературу у Энди преподавал мужчина (к счастью, теперь ушедший на пенсию), который постоянно нюхал галстук, рассуждая об Уильяме Дине Хоуэлсе и расцвете реализма.

– Если вопросов больше нет, попрошу заполнить эти бланки, и надеюсь увидеть вас всех в следующий вторник ровно в девять утра.

Две аспирантки раздали ксерокопии с двадцатью пятью нелепыми вопросами, на которые следовало ответить «да» или «нет». «Вы когда-нибудь обращались за помощью к психиатру?» – № 8. «Верите ли вы, что когда-либо сталкивались с паранормальным явлением?» – № 14. «Вы когда-нибудь употребляли галлюциногенные наркотики?» – № 18. После

короткого размышления Энди подчеркнул «нет», думая: *А кто их не употреблял в нашем дивном шестьдесят девятом?*

В это исследование он попал благодаря Куинси Тремонту, с которым на пару снимал жилье. Куинси знал, что финансовое положение Энди оставляло желать лучшего. Был май, шел последний год учебы, который Энди заканчивал сороковым из пятисот шести выпускников (третьим – по английскому языку и литературе). Но картошку на это не купишь, как он сказал Куинси, который специализировался на психологии. Энди светила аспирантура – занятия начинались осенью – и ссуда на учебу, которой хватило бы только на продукты и оплату занятий. Но до осени еще предстояло пережить лето. И в этот период он мог рассчитывать только на ответственную и перспективную должность оператора ночной смены на заправочной станции «Арко».

– Как насчет того, чтобы быстро срубить две сотни? – спросил Куинси.

Энди откинул с зеленых глаз длинные темные волосы и улыбнулся.

– В каком мужском туалете мне их отрабатывать?

– Нет, это психологический эксперимент, – ответил Куинси. – Хотя проводит его Безумный Доктор. Предупреждаю заранее.

– Кто он?

– Сам Уэнлесс, кретин. Самый крутой шаман на факуль-

тете психологии.

– А почему его называют Безумным Доктором?

– Человек-крыса и последователь Скиннера², – ответил Куинси. – Бихевиорист. Таких, как он, нынче не очень жалуют.

– Ясно, – ответил заинтригованный Энди.

– Кроме того, он носит маленькие очки без оправы с очень толстыми линзами, в которых похож на парня, уменьшавшего людей в «Докторе Циклопсе». Или ты не видел этот фильм?

Энди, любитель поздних телепередач, видел и почувствовал знакомую почву под ногами. Но не знал, хочет ли участвовать в эксперименте, проводимом профессором, которого характеризовали как а) Человек-крыса и б) Безумный Доктор.

– Они не собираются уменьшать людей? – спросил он.

Куинси весело рассмеялся.

– Нет, такое под силу только мастерам спецэффектов в малобюджетных ужастиках. Факультет психологии проводит испытания различных слабых галлюциногенов. По договору с разведывательной службой США.

– ЦРУ?

– Не ЦРУ, не РУМО и не АНБ, – ответил Куинси. – Эта предпочитает держаться в тени. Слышал об организации,

² Скиннер, Беррес Фредерик (1904–1990) – американский психолог, изобретатель и писатель.

именуемой Контора?

– Может, читал в воскресном номере. Не уверен.

Куинси раскурил трубку.

– Все работают примерно по одной схеме, – заговорил он. – Психологи, химики, физики, биологи... даже социологи получают свой кусок долларового пирога. Определенные программы, субсидируемые правительством. От брачного ритуала мух цеце до способов утилизации плутония. Любая организация, подобная Конторе, должна потратить свой годовой бюджет, чтобы оправдать получение такого же финансирования на следующий год.

– Мне это не нравится, – вставил Энди.

– Любому здравомыслящему человеку это не нравится, – ответил Куинси с безмятежной улыбкой. – Но караван должен идти. Зачем нашей разведке потребовались слабые галлюциногены? Кто знает? Не я. Не ты. Возможно, они сами не знают. Но отчеты будут неплохо смотреться на закрытых заседаниях комитетов конгресса в период формирования бюджета. И у них есть свои люди на каждом факультете. В Гаррисоне их человек на факультете психологии – Уэнлесс.

– Администрация не возражает?

– Не будь наивным, мой мальчик. – Куинси с удовольствием попыхивал трубкой, отправляя облака вонючего дыма к потолку гостиной их жалкой квартиры. Его голос становился все более раскатистым и звучным. – Что хорошо для Уэнлесса, то хорошо для гаррисонского факультета психологии,

который в следующем году получит собственный корпус и больше не будет топтаться на одном пяточке с этими социологами. А что хорошо для факультета психологии, то хорошо для всего Колледжа Гаррисона в штате Огайо. И для штата в целом. Бла-бла-бла.

– Ты думаешь, это безопасно?

– Они не будут тестировать на добровольцах студентах что-то опасное, – ответил Куинси. – Если бы имелись хоть какие-то сомнения, тестирование проводилось бы сначала на крысах, а потом на заключенных. Не сомневайся, в этом эксперименте до тебя участвовало три сотни человек, и их реакции тщательным образом протоколировались.

– Мне не нравится, что это как-то связано с ЦРУ...

– С Конторой.

– Какая разница? – мрачно спросил Энди. Он смотрел на постер Куинси, изображавший Ричарда Никсона, который стоял перед разбитым старым автомобилем. Никсон улыбался, вскинув сжатые кулаки с оттопыренными буквой «V» пальцами. Энди до сих пор с трудом верилось, что именно этого человека страна выбрала президентом менее года тому назад.

– Ладно, я просто подумал, что две сотни долларов тебе не помешают, вот и все.

– Почему они платят так много? – подозрительно спросил Энди.

Куинси поднял руки.

– Энди, это же правительственные денежки! Или ты еще не врубился? Два года тому назад Контора потратила почти триста тысяч долларов на исследования целесообразности массового производства взрывающегося велосипеда... об *этом* писали в воскресном приложении «Таймс». Полагаю, очередная мина-ловушка, вроде тех, что использовались во Вьетнаме, хотя точно никто не знает. Как говаривал Фиббер Макги³, «тогда это казалось хорошей идеей». – Куинси быстрыми, резкими ударами выбил трубку. – Для этих парней любой кампус Америки – что универмаг. Где-то они покупают, где-то глазают на витрины. Если ты не хочешь...

– Может, и захочу. А ты участвовать не собираешься?

Куинси улыбнулся. Его отцу принадлежала процветающая сеть магазинов мужской одежды в Огайо и Индиане.

– Острой необходимости в двухстах баксах у меня нет. А кроме того, я ненавижу уколы.

– Понятно.

– Послушай, я не собираюсь тебе это впаривать, будь уверен. Просто вижу, что деньги тебе не помешают. Да и шансы, что ты окажешься в контрольной группе, – пятьдесят на пятьдесят. Две сотни баксов за инъекцию воды. Причем не сырой, а *дистиллированной*.

– Ты можешь это устроить?

– Я встречаюсь с одной из аспиранток Уэнлесса, – отве-

³ Фиббер (Враль) Макги – герой комедийного радиосериала «Фиббер Макги и Молли», выходявшего в эфир в 1935–1959 гг.

тил Куинси. – Они получают примерно пятьдесят заявлений, причем многие – от подхалимов, которые хотят выслужиться перед Безумным Доктором...

– Я бы хотел, чтобы ты перестал его так называть.

– Хорошо, перед Уэнлессом. – Куинси рассмеялся. – Он лично проследит, чтобы эту братию вычеркнули. Моя девушка позаботится, чтобы твоё заявление приняли. А потом, дорогой, ты в свободном плавании.

В результате Энди написал заявление, когда объявление о наборе добровольцев появилось на информационном стенде факультета психологии. Через неделю позвонила молодая аспирантка (возможно, та самая подружка Куинси), чтобы задать несколько вопросов. Он сказал, что его родители умерли, группа крови у него первая, он никогда не участвовал в экспериментах факультета психологии, в настоящее время учится в Гаррисоне на последнем курсе, и количества изучаемых им дисциплин более чем достаточно, чтобы считаться студентом дневного отделения. И да, ему исполнился двадцать один год, так что по закону он может подписывать любые контракты, как с организациями, так и с частными лицами.

Неделей позже Энди получил через почту кампуса письмо, в котором сообщалось, что он принят для участия в эксперименте. Ему предлагалось расписаться на бланке согласия и принести его в аудиторию 100 «Джейсон-Гирней-холла» шестого мая.

Где он теперь и сидел – подписанный бланк отдан, потрошитель сигарет Уэнлесс ушел (профессор и в самом деле на поминал безумного доктора в «Циклопсе»), – отвечая на вопрос о своем отношении к религии в компании одиннадцати других студентов. Болел ли он эпилепсией? Нет. Его отец умер от инфаркта, когда Энди исполнилось одиннадцать. В семнадцать он потерял мать, погибшую в автомобильной аварии, и долго переживал эту трагедию. Из близких родственников у него оставалась только сестра матери, тетя Кора, достигшая преклонного возраста.

Он продвигался по колонке вопросов, подчеркивая «нет», «нет», «нет». Только один раз ответил «да», на вопрос: «Случался ли у вас перелом или серьезное растяжение? Если «да», уточните». В оставленном пустом промежутке он написал, что двенадцать лет назад сломал левую лодыжку, поскользнувшись на второй базе во время игры Малой лиги.

Энди проверял ответы, двигаясь снизу вверх, легонько касаясь вопросов ручкой «Бик», когда кто-то притронулся к его плечу, и девичий голос, нежный, но немного хриплый, произнес:

– Если вы закончили, одолжите мне, пожалуйста, ручку. Моя не пишет.

– Конечно, – ответил он, поворачиваясь, чтобы отдать ручку. Симпатичная девушка. Высокая. Светло-каштановые волосы, великолепно чистая кожа. Бирюзовый свитер и короткая юбка. Красивые ноги. Без чулок. Поверхностный

осмотр будущей жены.

Он протянул ручку, она благодарно улыбнулась. В свете ламп ее волосы, небрежно стянутые белой лентой, вспыхивали медью. Получив ручку, девушка вновь склонилась над вопросником.

Свой экземпляр вопросника он отнес аспирантке, которая сидела в начале аудитории.

– Благодарю вас, – произнесла аспирантка, словно робот. – Аудитория семьдесят, в субботу, в девять утра. Пожалуйста, не опаздывайте.

– Какой пароль? – хрипло прошептал Энди.

Аспирантка вежливо рассмеялась.

Энди вышел из лекционного зала, пересек холл, направляясь к высоким дверям (снаружи зеленела трава, студенты прогуливались взад-вперед между корпусами), но вспомнил про ручку. Уже решил оставить ее девушке – в конце концов, это «Бик» за девятнадцать центов, а его ждали экзамены, к которым требовалось готовиться. Но и девушка была хороша, вполне достойна того, чтобы увлечь ее разговором, как сказали бы англичане. Он не питал иллюзий ни относительно своей внешности (незапоминающаяся), ни о статусе девушки (или с кем-то встречается, или обручена), но день выдался хорошим, и Энди пребывал в прекрасном расположении духа. Поэтому решил подождать. Хотя бы для того, чтобы еще раз полюбоваться ногами девушки.

Она вышла из аудитории через три или четыре минуты, с

несколькими тетрадами и учебником под мышкой. Действительно, очень красивая, и Энди похвалил себя: такие ноги стоили ожидания. Не просто хороши – восхитительны!

– Ах вот вы где, – улыбнулась она.

– Я здесь, – кивнул Энди Макги. – И что вы об этом думаете?

– Не знаю, – ответила она. – Моя подруга говорит, что эти эксперименты проводятся постоянно. В прошлом семестре она участвовала в одном, связанном с ЭСВ-картами⁴ Джи-Би Райна⁵, и получила пятьдесят долларов, хотя не угадала практически ни одной. Вот я и подумала... – Она пожала плечами и откинула назад медные волосы.

– Да, я тоже. – Энди взял протянутую ручку. – Ваша подруга изучает психологию?

– Да, – кивнула она, – и мой парень тоже. Он ходит на семинары к доктору Уэнлессу, но не смог стать участником эксперимента. Конфликт интересов или что-то такое.

Парень. Логично. У высокой рыжеволосой красавицы не могло не быть парня. Так устроен мир.

– Как насчет вас? – спросила девушка.

– Та же история. Приятель на факультете психологии. Между прочим, я Энди. Энди Макги.

– Вики Томлинсон. И я немного нервничаю, Энди Макги.

⁴ ЭСВ – экстрасенсорное восприятие.

⁵ Райн, Джозеф Бэнкс (1895–1980) – психолог и парапсихолог, один из основателей научной парапсихологии.

Вдруг у меня начнется психоз?

– Полагаю, наркотик будет слабенький. А даже если дадут кислоту... что ж, лабораторная кислота отличается от той, что можно купить на улице, так я, во всяком случае, слышал. Чистая, мягкая, да еще и в спокойной обстановке. Вероятно, под музыку «Cream» или «Jefferson Airplane», – улыбнулся Энди.

– Вы много знаете про ЛСД? – спросила она с чуть хитровой улыбкой, которая сразу ему понравилась.

– Очень мало, – признался Энди. – Пробовал дважды: первый раз – два года тому назад, второй – в прошлом году. В чем-то почувствовал себя лучше. В голове прояснилось... во всяком случае, такие возникли ощущения, а потом казалось, что голова очистилась от всякого вздора. Но я бы не хотел, чтобы это вошло в привычку. Мне не нравится терять контроль над собой. Позволишь угостить тебя колой?

– Хорошо, – согласилась она, и они направились к студенческому клубу.

В итоге он купил ей две колы, и они провели вместе вторую половину дня. А вечером выпили по несколько кружек пива в местной кафешке. Как выяснилось, она и ее парень разошлись во взглядах на жизнь, и она не знала, как ей это разрулить. Он уже вообразил себе, что они женаты, рассказала она Энди, и категорически возражал против ее участия в эксперименте Уэнлесса. Именно по этой причине она не отступилась, подписала заполненный бланк и теперь хотела

пройти весь путь, только немного побаивалась.

– Этот Уэнлесс и впрямь выглядит как Безумный Доктор, – заметила она, рисуя на столе круги стаканом с пивом.

– А как тебе понравилось его измывательство над сигаретами?

Вики рассмеялась.

– Странный способ бросить курить, правда?

Он попросил разрешения зайти за ней утром в день эксперимента, и она с благодарностью согласилась.

– Мне будет спокойнее, если я пойду туда с другом. – Она посмотрела на него ясными синими глазами. – Я действительно немного боюсь. Джордж возражал очень *решиительно*.

– Почему? Что он сказал?

– В этом все и дело, – ответила Вики. – Ничего конкретного я не услышала, кроме слов о том, что он не доверяет доктору Уэнлессу. Он говорит, что на факультете практически никто ему не доверяет, но многие подписываются на участие в его экспериментах, потому что он заведует аспирантурой. Кроме того, они знают, что им это ничем не грозит, поскольку он все равно их вычеркнет.

Энди наклонился над столиком, коснулся ее руки.

– Возможно, нам обоим вколют дистиллированную воду. Расслабься. Все будет хорошо.

Как выяснилось, ничего хорошего из этого не вышло. Ничего.

олбани
аэропорт олбани мистер
эй мистер, мы на месте

Его трясет чья-то рука. От этого голова раскачивается из стороны в сторону. Ужасная головная боль, Господи, долбящая, простреливающая.

– Эй, мистер, это аэропорт.

Энди открыл глаза, потом закрыл их, защищаясь от ярко-белого света натриевого фонаря над головой. Ужасный, пронзительный вой нарастал, нарастал, нарастал, и Энди передернуло. Будто швейные иглы вонзались в уши. Самолет. Взлетающий. Эта мысль добралась до него сквозь красный туман боли. Ах да, док, теперь я припоминаю.

– Мистер? – В голосе таксиста звучала тревога. – Мистер, вы в порядке?

– Болит голова. – Собственный голос доносился издалека, погребенный под ревом взлетающего самолета, который, к счастью, начал затихать. – Который час?

– Почти полночь. Добирались долго: пробки. Можете мне не говорить – это я говорю вам. Автобусы уже не ходят, если вы рассчитывали на них. Вы точно не хотите, чтобы я отвез вас домой?

Энди порывлся в памяти в поисках истории, которую рас-

сказал таксисту. Ее требовалось вспомнить, вне зависимости от чудовищной боли. Из-за эха. Любое несоответствие исходной истории могло вызвать в разуме таксиста эффект рикошета. Безобидный – обычно, но не всегда. Таксист мог ухватиться за это несоответствие, заикнуться на нем; вскоре ситуация станет неуправляемой, таксист уже не сможет думать ни о чем другом. А еще через некоторое время его сознание взорвется. Такое уже случалось.

– Мой автомобиль на стоянке, – ответил Энди. – Все под контролем.

– Хорошо. – Таксист с облегчением улыбнулся. – Глин в это не поверит, знаете ли. Эй! Можете мне не говорить – это я...

– Разумеется, она поверит. Вы же верите, правда?

Улыбка таксиста стала шире.

– У меня есть крутая банкнота, чтобы доказать ей, мистер.

Спасибо.

– Спасибо вам, – ответил Энди. Пытаясь быть вежливым. Пытаясь выжить. Ради Чарли. Будь он один, давно бы покончил с собой. Человеку не дано терпеть такую боль.

– Вы уверены, что обойдетесь без помощи, мистер? Вы совсем белый.

– Все хорошо, спасибо. – Он начал трясти Чарли. – Эй, малышка. – Энди сознательно не называл ее по имени. Наверное, значения это не имело, но осторожность стала его второй натурой. – Просыпайся, мы на месте.

Чарли что-то пробормотала и попыталась откатиться от него.

– Давай, куколка, просыпайся, пора.

Глаза Чарли раскрылись – ясные синие глаза, унаследованные от матери, – и она села, потирая лицо.

– Папуля? Где мы?

– В Олбани, куколка. В аэропорту. – Он наклонился к ней, шепнул: – Пока больше ничего не говори.

– Хорошо. – Она улыбнулась таксисту, и тот улыбнулся в ответ. Девочка выскользнула из салона, и Энди последовал за ней, пытаясь не шататься.

– Еще раз спасибо, друг, – сказал таксист. – Роскошная плата за проезд, да. Можете мне не говорить – это я говорю вам.

Энди пожал протянутую руку.

– Будьте осторожны.

– Буду. Глин мне просто не поверит.

Таксист сел за руль и отъехал от желтого бордюрного камня. Еще один реактивный самолет шел на взлет. Двигатели ревели и ревели, пока у Энди не создалось ощущение, что его голова сейчас развалится надвое и упадет на землю половинками разрубленной тыквы. Он покачнулся, и Чарли схватилась руками за его предплечье.

– Папуля. – Ее голос доносился издали.

– Пойдем в здание. Мне надо сесть.

Они вошли в здание аэропорта, девочка в красных брюч-

ках и зеленой блузке и сутулящийся крупный мужчина с нечесаными темными волосами. Носильщик проводил их взглядом и подумал: да это смертный грех, когда после полуночи маленькая девочка, которой давно полагается спать, ведет, как собака-поводырь, мужика, судя по виду, пьяного в стельку. Таких родителей надо стерилизовать.

Потом за ними закрылись створки автоматических дверей, и носильщик забыл о них, но вспомнил сорока минутами позже, когда к тротуару подъехала зеленая машина, из которой вылезли двое мужчин, чтобы поговорить с ним.

Часы показывали десять минут первого. В терминале, несмотря на поздний час, былолюдно: военные, у которых заканчивалась увольнительная; спешащие женщины, подгонявшие капризных сонных детей; бизнесмены с мешками под глазами; длинноволосые туристы-подростки в высоких ботинках, некоторые с рюкзаками на плечах, пара – с захлеленными теннисными ракетками. Всемогущий голос по громкой связи объявлял о прибытиях и отлетах и вызывал людей.

Энди и Чарли сидели бок о бок возле столов с привинченными к ним телевизорами. Выкрашенные в черный цвет телевизоры были поцарапанные и потрепанные. Энди они напоминали зловещих, футуристических кобр. Он скормил им два последних четвертака, поэтому их не просили освободить места. Чарли смотрела канал, по которому в сотый раз показывали фильм «Новобранцы». Перед Энди телеведущий Джонни Карсон развлекал зрителей в компании Сонни Боно и Бадди Хэкетта.

– Папуля, я должна это делать? – второй раз спросила Чарли. Она едва не плакала.

– Я совершенно вымотался, лапочка, – ответил он. – У нас нет денег. И мы не можем оставаться здесь.

– Эти плохие люди уже идут сюда? – Она понизила голос

до шепота.

– Я не знаю. – *Бух, бух, бух* в мозгу. Уже не вороной конь без седока. Теперь – почтовые мешки, наполненные острыми железными обрезками, которые швыряют из окна пятого этажа. – Но мы должны предполагать, что да.

– Как мне добыть деньги?

– Ты знаешь, – ответил он, помявшись.

Слезы начали собираться в уголках глаз Чарли, покатались по щекам.

– Это неправильно. Воровать – это неправильно.

– Я знаю. – Он не собирался с этим спорить. – Но и гнаться за нами – тоже неправильно. Я тебе все объяснял, Чарли. По крайней мере пытался.

– О маленьком плохом и большом плохом?

– Да, о меньшем и большем зле.

– У тебя правда сильно болит голова?

– Достаточно сильно, – ответил Энди. Не стоило говорить Чарли, что через час, возможно, через два голова будет болеть так, что он лишится способности связно мыслить. Какой смысл еще сильнее пугать ее? Незачем делиться с ней и своими страхами: на этот раз им уйти не удастся.

– Я попробую. – Она поднялась со стула. – Бедный папуля. – И поцеловала его.

Он закрыл глаза. Телевизор работал. Звук доносился издалека, с трудом прорываясь сквозь нараставшую боль в голове. Когда Энди вновь открыл глаза, Чарли превратилась

в маленькую фигурку, одетую в красное и зеленое, напоминавшую елочное украшение, петлявшую среди людей, рассыпанных по залу.

Пожалуйста, Господи, пусть у нее все получится, подумал он. Не позволяй никому подойти к ней или испугать еще сильнее. Пожалуйста, и спасибо Тебе, Господи. Договорились?

И он вновь закрыл глаза.

Девочка в красных брючках стретч и зеленой блузке из вискозы. Светлые волосы до плеч. Так поздно, и, похоже, одна. В одном из тех мест, где на такую маленькую девочку могли не обратить внимания и после полуночи. Она проходила мимо людей, но по существу никто ее не видел. Если бы она плакала, к ней мог бы подойти сотрудник службы безопасности, чтобы спросить, не потерялась ли она, знает ли номер рейса, на который купили билеты ее мама и папа, и как их зовут. Но она не плакала и выглядела так, словно знала, что делает.

Она не знала – в точном смысле этого слова, – но четко представляла себе, что ей нужно. Им требовались деньги: так сказал папуля. Плохие люди приближались, а папуля плохо себя чувствовал. В таком состоянии он даже думал с трудом. Главное для него сейчас – лечь, и чтобы никто его не трогал. Чтобы он мог поспать, пока не уйдет боль. Но плохие люди могли прийти... люди из Конторы, люди, которые хотели исследовать их, чтобы понять, как они устроены... и посмотреть, можно ли их использовать, заставить делать что-то еще.

Она заметила бумажный пакет для продуктов, торчащий из урны, и взяла его. Чуть дальше нашла то, что искала: ряд телефонных автоматов.

Чарли стояла, глядя на них, и боялась. Боялась, потому

что папуля снова и снова говорил ей: нельзя этого делать... с самого раннего детства это было Плохо. Она не всегда могла контролировать Плохое. Могла причинить вред себе, или кому-то еще, или множеству людей. Тот случай

(ох мамочка извини боль повязки крики она кричала я заставила мою мамочку кричать... и я никогда этого больше не сделаю... никогда... потому что это Плохо)

на кухне, когда она была совсем маленькой... но ей и теперь очень больно даже думать об этом. Это было Плохо, потому что если дать ему волю, оно распространялось повсюду. И это пугало.

Было и еще кое-что. Импульс, к примеру. Так это назвал папуля, импульс. Только ее импульс был куда сильнее, чем папин, а потом голова у нее никогда не болела. Но иногда потом... вспыхивал огонь.

Название для Плохого звенело у нее в голове, когда она стояла, нервно глядя на телефонные будки: *пирокинез*. «Ничего не поделаешь, – как-то сказал ей папуля, когда они еще жили в Порт-Сити и по глупости думали, что находятся в полной безопасности. – Ты – воспламенитель, лапочка. Большущая зажигалка “Зиппо”». Тогда ей это показалось забавным, и она рассмеялась, но теперь уже ничего забавного не видела.

Существовала и другая причина, по которой ей следовало обходиться без импульсов: *о них* могли прознать. Плохие люди из Конторы.

– Я понятия не имею, что именно они о тебе знают, – сказал ей папуля, – но я не хочу, чтобы они узнали еще больше. Твой импульс не похож на мой, детка. Ты не можешь заставить людей... изменить свое мнение, верно?

– Н-нет...

– Но ты можешь заставлять вещи двигаться. И если они сумеют разглядеть некую систему, а потом свяжут эту систему с тобой, наше положение станет еще хуже.

И это было воровство, то есть тоже Плохое.

Не важно. У папули болела голова, и им надо попасть в тихое, спокойное место, пока он еще может думать. Чарли двинулась к будкам.

Их было пятнадцать, с изогнутыми сдвижными дверями. Войдя в будку и закрыв дверь, ты словно оказывался в большой капсуле контакта⁶ с телефоном на стенке. Идя вдоль будок, Чарли видела, что большинство пусты. В одну с трудом втиснулась толстая женщина в спортивном костюме, что-то говорила, слушала и улыбалась. В третьей с конца будке молодой человек в военной форме сидел на маленьком стульчике. Дверь он оставил открытой, и его ноги торчали наружу. Молодой человек тараторил:

– Салли, подожди, я понимаю, что ты чувствуешь, но я могу все объяснить. Абсолютно. Я знаю... знаю... но если ты позволишь мне... – Он поднял голову, увидел девочку, которая смотрела на него, убрал ноги, задвинул изогнутую

⁶ Контакт – лекарственное средство от простуды и гриппа.

дверь, все единым движением, словно черепаха, убирающая голову и лапы под панцирь.

Выясняет отношения с подружкой, подумала Чарли. Наверное, бросил ее. Я никогда не позволю парню так поступить со мной.

Отдающийся эхом голос по громкой связи. Крыса страха в глубинах сознания, гложащая нервы. Ни одного знакомого лица. Она чувствовала себя одинокой и очень маленькой, по-прежнему тосковала по матери. Она собиралась украсть, но стоило ли придавать этому значение? Контора украла жизнь ее матери.

Чарли вошла в последнюю будку, похрустывая бумажным пакетом. Сняла трубку с рычага, прикинулась, будто говорит – привет, дедушка, мы с папулей только что приехали, все хорошо, – и сквозь стекло огляделась, чтобы понять, не наблюдают ли за ней. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Неподалеку находилась лишь одна негритянка, получавшая через автомат страховой полис на полет, но она стояла спиной к телефонным будкам.

Чарли посмотрела на телефон-автомат и резко «толкнула» его.

От усилия она едва слышно крякнула и прикусила нижнюю губу: ей нравилось это ощущение сжатия. Нет, никакой боли она не чувствовала. «Толчки» доставляли ей удовольствие, и боялась она другого: *полюбить* эту опасную вещь.

Чарли послала новый импульс, совсем слабенький, и из

щели возврата монет полился поток серебра. Она попыталась подставить пакет, но опоздала: большинство пятаков и десятицентовиков уже рассыпались по полу. Она наклонилась и принялась их собирать, то и дело поглядывая на зал через стеклянную дверь.

Собрав мелочь, Чарли перешла в следующую будку. Военный все говорил. Вновь открыл дверь, выставил ноги и закурил.

– Сал, Богом клянусь! Спроси своего брата, если не веришь мне! Он...

Чарли закрыла дверь своей будки, отсекая пронзительный голос. Даже в семь лет она могла отличить вранье от правды. Посмотрела на телефон-автомат, и мгновением позже тот выдал всю мелочь. На этот раз пакет оказался на месте вовремя, и монетки с музыкальным позвякиванием посыпались на дно.

Когда Чарли закончила, военный уже отбыл, и она перешла в его будку. Сиденье еще хранило тепло, и, несмотря на работающий вентилятор, внутри противно пахло сигаретным дымом.

Монетки высыпались в пакет, и Чарли перешла в следующую будку.

Эдди Дельгардо сидел на эргономичном стуле из жесткой пластмассы, смотрел в потолок и курил. Сука, возмущался он про себя. В следующий раз дважды подумает, прежде чем решит не раздвигать свои чертовы ноги. Эдди то, Эдди это, Эдди я больше не хочу тебя видеть, Эдди как ты можешь быть таким *жесто-о-оким*. Но он изменил ее мнение насчет этой древней присказки «я-больше-не-хочу-тебя-видеть». Он находился в тридцатидневном отпуске и теперь собирался в Нью-Йорк, Большое Яблоко, осмотреть достопримечательности и совершить турне по барам для одиноких. И рассчитывал, что по возвращении Салли сама станет большим, созревшим яблоком, созревшим и готовым упасть. С Эдди Дельгардо из Марафона, штат Флорида, отговорки вроде ты-совсем-меня-не-уважаешь не катили, и если она и впрямь поверила трепу, будто он сделал себе вазэктомию, это послужит ей хорошим уроком. А потом, если хочет, пусть бежит к своему братцу-деревенщине, школьному учителю. Эдди Дельгардо к тому времени будет сидеть за рулем военного грузовика в Западном Берлине. Он будет...

Его наполовину гневную, наполовину приятную цепь грез нарушило ощущение тепла, идущее от стоп. Словно пол внезапно стал горячее на десять градусов. И тепло это сопровождалось странным, однако знакомым запахом... Пах-

ло еще не горелым, но... возможно, паленым?

Он открыл глаза и первым делом увидел девочку, семи или восьми лет, по виду изрядно уставшую, которая раньше крутилась около телефонных будок. Она несла большой бу-мажный пакет, подсунув руки под дно, словно внутри лежали продукты или что-то еще.

Но куда больше его занимала не девочка, а собственные стопы.

Тепло, которое он ощущал, сменилось жаром.

Эдди Дельгардо посмотрел вниз и закричал:

– Матерь Божья!

Его ботинки горели.

Эдди вскочил. Головы уже поворачивались к нему. Ка-кая-то женщина, увидев огонь, отчаянно завопила. Два со-трудника службы безопасности, лениво болтавшие с кассир-шей «Аллегени эйрлайнз», оглянулись, чтобы понять, в чем дело.

Эдди Дельгардо не обращал на это никакого внимания. Мысли о Салли Брэнфорд и будущей мести за отвергнутую любовь как ветром сдуло. Его армейские ботинки весело пы-лали. Занялись и манжеты зеленых брюк. Он понесся через зал, оставляя за собой дымный след, словно им выстрелили из катапульты. Женский туалет находился ближе, и Эдди, об-ладавший исключительно обостренным инстинктом выжи-вания, врезался в дверь и без малейших колебаний проско-чил внутрь.

Молодая женщина как раз выходила из кабинки, задрала юбку до талии и поправляя колготки. Увидела Эдди, человека-факел, и издала крик, который многократно усилили облицованные кафелем стены. «Что, что такое?» – послышалось из нескольких занятых кабинок. Эдди поймал закрывавшуюся дверцу платной кабинки до того, как та защелкнулась. Уперся руками в стенки, оторвал ноги от пола и опустил в унитаз. Послышалось громкое шипение, над унитазом поднялись клубы пара.

В туалет ворвались охранники.

– Эй, ты, не дергайся! – крикнул один, вытаскивая пистолет. – Выходи медленно, заложив руки за голову.

– Может, подождете, пока я вытащу ноги из унитаза? – огрызнулся Эдди Дельгардо.

Чарли вернулась, и снова в слезах.

– Что случилось, детка?

– Я добыла деньги, только... это опять вырвалось из меня, папуля... там был мужчина... солдат... я ничего не смогла с собой поделаться...

Энди почувствовал нарастающий страх. Его притупляла боль в голове и шее, но он был.

– Ты... ты что-то подожгла, Чарли?

Она не смогла ответить, только кивнула. Слезы катились по ее щекам.

– Господи, – выдохнул Энди и заставил себя подняться.

Этого Чарли не выдержала. Закрыла лицо руками и безушестно зарыдала, раскачиваясь взад-вперед.

Небольшая толпа собралась у женского туалета. Дверь распахнулась, но сначала Энди ничего не видел... а потом разглядел. Двое охранников, которые вбежали в женский туалет, вывели оттуда молодого крепкого парня в военной форме и направились к офису службы безопасности. Парень орал на охранников, точнее, преимущественно виртуозно бранился. Его брюки обгорели почти до колен, а в руках он нес два каких-то обуглившихся мокрых предмета: судя по всему, в недалеком прошлом – армейские ботинки. Все трое прошли в офис, дверь захлопнулась. Зал гудел от оживлен-

ных разговоров.

Энди снова сел, обнял Чарли. Думать он почти не мог. Мысли напоминали маленьких серебристых рыбок, плававших в безбрежном черном океане боли. Но он постарался сосредоточиться. Ему никак не обойтись без помощи Чарли, если они хотят выбраться из этой передраги.

– С ним все хорошо, Чарли. Он в порядке. Его просто увели в офис службы безопасности. А теперь расскажи, что случилось?

Глотая слезы, Чарли рассказала ему. Подслушанный разговор, мысли о солдате, подозрения, что он пытается обмануть девушку, с которой разговаривал.

– А потом, когда я возвращалась к тебе, я увидела его... и прежде чем сумела остановить... это случилось. Просто вырвалось, я могла причинить ему боль, папуля, я могла причинить ему сильную боль. Я его *подожгла!*

– Говори тише, – попросил ее отец. – И я хочу, чтобы ты послушала меня, Чарли. Я думаю, это самое обнадеживающее из случившегося в последнее время.

– Т-ты так думаешь? – В ее взгляде читалось искреннее изумление.

– Ты говоришь, это вырвалось из тебя. – Каждое слово давалось Энди с трудом. – Да, вырвалось. Но не так, как раньше. Вырвалось лишь чуть-чуть. Случилась опасная вещь, милая, но... ты могла поджечь ему волосы. Или лицо.

Чарли передернуло, она в ужасе отпрянула. Но Энди мяг-

ко повернул ее лицом к себе.

– Это происходит на подсознательном уровне и всегда направлено на тех, кто тебе неприятен. Но... на самом деле ты не навредила этому парню, Чарли. Ты... – Конец фразы растворился в боли. Продолжал ли он говорить? На секунду он утратил представление даже об этом.

Чарли все еще чувствовала Плохое. Оно носилось в ее голове, дожидаясь шанса вырваться, сделать что-то еще. Плохое напоминало маленькое, злобное и довольно глупое животное. Тебе приходится выпускать его из клетки, чтобы, к примеру, добыть денег из телефонов-автоматов... но оно может сделать что-то еще, что-то действительно ужасное...

(как с мамочкой на кухне ох мамочка извини)

прежде чем удастся загнать его обратно. Однако теперь это значения не имеет. Теперь она не будет думать об этом, теперь не будет думать...

(повязки моей мамочке придется носить повязки потому что я сделала ей больно)

ни о чем таком. Теперь главное – ее отец. Он буквально осел на стуле перед телевизором, его лицо исказилось от боли. Белое как бумага. И глаза налились кровью.

Ох, папуля, думала она, я бы поменялась с тобой местами, не глядя, если бы могла. У тебя есть что-то, причиняющее тебе боль, но оно не может выбраться из клетки. У меня есть что-то, что не причиняет мне никакой боли, но иногда я так пугаюсь...

– Деньги у меня, – сообщила Чарли. – Я обчистила не все телефоны, потому что пакет стал тяжелым, и я боялась, что он прорвется. – Девочка с тревогой смотрела на отца. – Куда мы пойдем, папуля? Тебе надо прилечь.

Энди сунул руку в пакет и начал медленно, пригоршнями пересыпать монеты в карманы вельветового пиджака. Он гадал, закончится ли когда-нибудь эта ночь. Больше всего ему хотелось сесть в такси, уехать в город и остановиться в первом же мотеле или гостинице... но он боялся. За такси очень легко проследить. А его не оставляло предчувствие, что мужчины из зеленого автомобиля совсем рядом.

Он постарался собрать воедино свои знания об аэропорте Олбани. Прежде всего это был аэропорт округа Олбани. И располагался он совсем не в Олбани, а в городе Колони. В Стране Шейкеров.⁷ Разве дедушка не говорил ему, что эта территория когда-то называлась Страной Шейкеров? Или все они уже умерли? А как тут с шоссе? Платными автострадами? Ответ медленно всплыл на поверхность. Что-то такое здесь есть... какая-то «трасса». Северная или Южная.

Он открыл глаза и посмотрел на Чарли.

– Ты сможешь идти пешком, детка? Хотя бы пару миль?

– Конечно. – Она выспалась и чувствовала себя достаточно бодрой. – А ты сможешь?

Хороший вопрос. Он не знал.

⁷ Шейкеры – протестантская религиозная секта в США, официальное название которой – Объединенное сообщество верующих во Второе пришествие Христа.

– Постараюсь, – ответил Энди. – Думаю, мы должны добраться до автострады и попытаться уехать на попутке, милая.

– Автостопом?

Он кивнул.

– Выследить попутку очень сложно, Чарли. Если нам повезет, к утру мы будем в Буффало.

А если не повезет, будем голосовать на аварийной полосе, пока не подъедет зеленый автомобиль.

– Если ты думаешь, что это правильно. – В ее голосе слышалось сомнение.

– Идем. Помоги мне.

Гигантская стрела боли пронзила голову, когда Энди поднялся. Он покачнулся, закрыл глаза, открыл снова. Люди выглядели какими-то нереальными. Цвета казались слишком яркими. Мимо прошла женщина на высоких каблуках, и каждое соприкосновение каблука с полом отдавалось грохотом закрывшейся двери склепа.

– Папуля, ты уверен, что сможешь? – Она говорила тихо и очень испуганно.

Чарли, только Чарли выглядела нормальной.

– Думаю, смогу, – ответил он. – Пошли.

Они вышли через другую дверь. Носильщик, заметивший, как они приехали на такси, в тот момент выгружал чемоданы из багажника какого-то автомобиля, и пропустил их уход.

– Куда теперь, папуля? – спросила Чарли.

Он огляделся и увидел Северную трассу, изгибающуюся дугой ниже и правее здания аэропорта. Оставалось только понять, как туда добраться. Их окружали дороги: эстакады, тоннели, подземные переходы, знаки «ПОВОРОТ НАПРАВО ЗАПРЕЩЕН», «ОСТАНОВИТЬСЯ ПРИ ВЫЕЗДЕ», «ТОЛЬКО НАЛЕВО», «ОСТАНОВКА ЗАПРЕЩЕНА». Огни светофоров мерцали в ночной тьме, будто не знающие покоя души.

– Думаю, туда, – ответил он, и они пошли вдоль здания аэропорта и подъездной дороги, пестревшей щитами «ТОЛЬКО ВЫСАДКА И ПОСАДКА». Тротуар заканчивался сразу за зданием. Большой серебристый «мерседес» безучастно прокатил мимо, и отраженный блестящими поверхностями свет натриевых фонарей заставил Энди поморщиться от боли.

Чарли вопросительно посмотрела на отца.

Энди кивнул.

– Идем по дороге, держимся как можно ближе к краю. Тебе холодно?

– Нет, папуля.

– Слава Богу, ночь теплая. Твоя мама бы...

Он прикусил язык.

Они ушли в темноту: крупный, широкоплечий мужчина и девочка в красных брючках и зеленой блузке. Девочка держалась за руку мужчины, словно ведя его за собой.

Зеленый автомобиль появился пятнадцать минут спустя и остановился у желтого бордюра. Из него вылезли двое мужчин, те самые, что на Манхэттене преследовали Энди и Чарли до такси. Шофер остался за рулем.

Неспешной походкой подошел местный коп.

– Здесь остановка запрещена, сэр. Если вы проедете...

– Мне можно, – прервал его водитель. Показал удостоверение. Коп взглянул на него, на шофера, вновь на фотографию на удостоверении.

– Извините, сэр. Мы что-то должны знать об этом?

– Наш приезд никак не связан с безопасностью аэропорта, – ответил шофер, – но, возможно, вы сумеете помочь. Видели сегодня кого-нибудь из этих людей? – Он протянул копу две фотографии: одна с Энди, другая – расплывчатая – с Чарли. Волосы Чарли на фотографии были заплетены в косички. Тогда ее мать еще не умерла. – Девочка сейчас старше примерно на год. Волосы короче. До плеч.

Коп внимательно всматривался в фотографии, тасуя их.

– Знаете, я уверен, что видел девочку. Светлые волосы, да? По фотографии определить сложно.

– Волосы светлые.

– А мужчина – ее отец?

– Не задавайте вопросов, и мне не придется лгать.

Коп почувствовал поднывающую волну неприязни к этому молодому парню с бесстрастным лицом, сидевшему за рулем неприметного зеленого автомобиля. Ему уже приходилось иметь дело с ФБР, ЦРУ и организацией, именуемой Контрой. Их агенты вели себя одинаково – безразлично наглые и пренебрежительные. Людей в синей форме они считали игрушечными. Но пять лет тому назад при попытке угона самолета в здешнем аэропорту именно «игрушечные» копы взяли похитителя, вооруженного гранатами, и передали «настоящим» копам, под охраной которых он и совершил самоубийство, вскрыв сонную артерию собственными ногтями. Отличная работа, парни.

– Послушайте... сэр, я спросил, отец ли он, чтобы узнать, есть ли семейное сходство. По этим фотографиям сказать трудно.

– Да, они похожи. Только волосы разного цвета.

Это я и сам понял, говнюк, подумал коп.

– Я их видел. – Он перевел взгляд с фотографий на водителя зеленого автомобиля. – Он – крупный мужчина, крупнее, чем кажется на этой фотографии. Выглядел больным.

– Правда? – Похоже, водителя эти сведения обрадовали.

– Вообще-то у нас сегодня незабываемая ночь. Какой-то болван умудрился поджечь собственные ботинки.

Водитель резко выпрямился.

– *Что?*

Коп кивнул, довольный тем, что пробил непроницаемый

фасад водителя. Наверное, радости у него поубавилось бы, если бы водитель сказал, что своей болтливостью он обеспечил себе долгий допрос в манхэттенском отделении Конторы. А Эдди Дельгардо просто избил бы его до полусмерти, потому что вместо турне по барам для одиночек (и массажным салонам, и порномагазинам на Таймс-сквер) Большого Яблока ему предстояло посвятить большую часть своего отпуска препаратам, предельно стимулирующим память, снова и снова рассказывая, что произошло перед тем, как загорелись его ботинки, и сразу после того.

Двое других мужчин из зеленого седана опрашивали сотрудников аэропорта. Один нашел носильщика, который обратил внимание на Энди и Чарли, когда те вылезли из такси и вошли в здание аэропорта.

– Конечно, я их видел. Еще подумал, что это форменное безобразие, когда пьяный мужчина в столь поздний час тащит с собой совсем маленькую девочку.

– Может, они улетели на самолете? – предположил агент Конторы.

– Может, – согласился носильщик. – Интересно, о чем думает мать девочки. Знает ли она, что происходит.

– Сомневаюсь. – Голос агента в темно-синем костюме от «Ботани-500» звучал искренне. – Вы не видели, как они уходили?

– Нет, сэр. Насколько я знаю, они еще где-то здесь. Если, конечно, не объявили посадку на их рейс.

Двое мужчин быстро прошли по главному залу аэропорта и галереям вылета, держа удостоверения наготове, чтобы показывать сотрудникам службы безопасности. Встретились они около билетной стойки «Юнайтед эйрлайнз».

– Пусто, – сообщил первый.

– Думаешь, улетели? – спросил второй, в красивом синем костюме от «Ботани-500».

– Едва ли у этого ублюдка было больше пятидесяти баксов. Скорее, гораздо меньше.

– Нам лучше проверить.

– Да, но быстро.

«Юнайтед эйрлайнз», «Аллегени», «Америкэн», «Брей-нифф». Никто не продавал билеты широкоплечему мужчине, выглядевшему больным. Грузчик «Олбани эйрлайнз» вроде бы видел девочку в красных брючках и зеленой блузке. С красивыми светлыми волосами до плеч.

Агенты сошлись около телевизоров, перед которыми не так давно сидели Энди и Чарли.

– Что думаешь? – спросил первый.

Второй, в «Ботани-500», выглядел взволнованным.

– Думаю, надо оцепить территорию, – ответил он. – Они ушли пешком.

И агенты потрусили к зеленому автомобилю.

Энди и Чарли шли в темноте по грунтовой обочине подъездной дороги аэропорта. Изредка мимо проезжал автомобиль. Время приближалось к часу ночи. В миле от них, рядом со зданием аэропорта, двое мужчин присоединились к третьему агенту, остававшемуся в зеленом седане. Теперь Энди и Чарли шагали параллельно Северной трассе, которая проходила справа и снизу, залитая ярким светом натриевых фонарей. Они могли спуститься по насыпи и попытаться поймать попутку, стоя на аварийной полосе, но если мимо проедет коп, их и без того минимальные шансы выбраться упадут до нуля. Энди мог только гадать, сколько им придется идти до выезда на трассу. Каждый шаг отдавался болью в голове.

– Папуля? Ты в порядке?

– Пока все хорошо, – ответил он, прекрасно понимая, что хорошего мало. Он не обманывал себя и знал, что вряд ли обманывает Чарли.

– Еще далеко?

– Ты устала?

– Пока нет... но, папуля...

Он остановился, мрачно посмотрел на нее.

– Что такое, Чарли?

– Я чувствую, что эти плохие люди снова рядом, – про-

шептала девочка.

– Понятно, – сказал он. – Думаю, нам лучше срезать путь, лапочка. Ты сможешь спуститься, не упав?

Она посмотрела на заросший сухой октябрьской травой склон.

– Наверное. – В ее голосе слышалось сомнение.

Он шагнул за ограждение, помог перебраться Чарли. Как это иногда случалось в моменты особенно сильной боли и напряжения, его разум попытался унести в прошлое, подальше от стрессовой ситуации, в которой они оказались. Им выпали и хорошие годы, хорошее время, до того, как тени начали сгущаться над их жизнями, сначала над ним и Вики, потом над всеми тремя, понемногу откусывая их счастье, так же неумолимо, как по ходу лунного затмения тень Земли накрывает ее спутник. Началось все...

– Папуля! – испуганно позвала Чарли. Земля ушла у нее из-под ног. Сухая трава оказалась предательски скользкой. Энди попытался схватить взметнувшуюся ручку, промахнулся и сам потерял равновесие. Падение отозвалось таким взрывом боли в голове, что он громко вскрикнул. Потом оба покатались и заскользили вниз, к Северной трассе, по которой мчались автомобили, так быстро, что едва ли смогли бы затормозить, если бы его или Чарли вынесло на проезжую часть.

Аспирант перетянул резиновым жгутом руку Энди чуть повыше локтя и попросил:

– Сожмите, пожалуйста, кулак.

Энди сжал. Вена тут же вздулась. Он отвернулся, его немного мутило. Даже за двести долларов ему не хотелось наблюдать, как игла капельницы занимает положенное место.

Вики Томлинсон, в белой блузке без рукавов и сизых слаксах, лежала на соседней кушетке. Она натянуто улыбнулась ему. Энди вновь подумал, какие красивые у нее каштановые волосы, как хорошо они сочетаются с ясными синими глазами... и почувствовал укол боли. Тут же от места укола по руке начало расходиться тепло.

– Вот и все, – успокаивающе произнес аспирант.

– Это для вас все, – ответил Энди. Он никакого спокойствия не чувствовал.

Они находились наверху, в аудитории 70 «Джейсон-Гирней-холла». Сюда принесли двенадцать кушеток, позаимствованных из лазарета колледжа, и теперь на них, отработав свои двести долларов, лежали двенадцать добровольцев, с гипоаллергенными подушками из пенорезины под головой. Доктор Уэнлесс сам иглы не втыкал, но ходил взад-вперед между кушетками, находя ободряющее слово для каждого.

На его губах застыла холодная улыбка. *Мы начнем уменьшаться с минуты на минуту*, мрачно подумал Энди.

После того как все собрались, Уэнлесс произнес короткую речь, которая, если вкратце, сводилась к следующему: «Не бойтесь. Вы в надежных руках Современной Науки». Энди не сильно доверял современной науке, подарившей миру не только вакцину Солка и «Клерасил», но и водородную бомбу, и напалм, и лазерную винтовку.

Аспирант уже занимался другим делом: ставил зажим на трубку, шедшую от бутылки к игле.

В бутылки находился пятипроцентный водный раствор декстрозы, еще на общем собрании объяснил Уэнлесс... называвший его раствором «Д5В». Ниже зажима из трубки торчал маленький отвод. Если Энди получит «Лот шесть», его впрыснут шприцом в этом самом месте. Если он в контрольной группе, в вену введут обычный физраствор. Орел или решка.

Он вновь повернулся к Вики.

– Как дела?

– Нормально.

Подошел Уэнлесс. Встал между ними, посмотрел сначала на Вики, потом на Энди.

– Вы чувствуете легкую боль, да? – Он говорил без акцента, даже без какого-либо местного выговора, но строил предложения не совсем обычно, и у Энди возникло подозрение, что английский язык для него неродной.

– Давление, – ответила Вики. – Небольшое давление.

– Да? Это пройдет. – Уэнлесс доброжелательно улыбнулся Энди. В белом халате он казался жутко высоким, а его очки выглядели очень маленькими.

– Когда мы начнем уменьшаться? – спросил Энди.

Уэнлесс продолжал улыбаться.

– Вы чувствуете, что сейчас начнете уменьшаться?

– Уменьша-а-а-а-аться, – протянул Энди и глупо улыбнулся. С ним что-то происходило. Господи, он ловил кайф. Он улета.

– Все будет хорошо, – пообещал Уэнлесс и улыбнулся еще шире. После чего ушел. *Всадник, проезжай*⁸, одурманенно подумал Энди. Посмотрел на Вики. Какими блестящими стали ее волосы. По какой-то дурацкой причине они напомнили ему медные провода в обмотке новенького мотора... генератора... альтернатора... бла-бла-блатора...

Он громко рассмеялся.

Сдержанно улыбаясь, словно разделяя шутку, аспирант пережал трубку, впрыснул в вену Энди еще толику содержимого шприца и отошел. Теперь Энди запросто смотрел на трубку, спускавшуюся от бутылки. Его это больше не тревожило. *Я – сосна*, подумал он. *Посмотрите на мои прекрасные иголки*. И опять рассмеялся.

Вики улыбалась ему. Господи, такая красивая. Он хотел

⁸ Последняя строка стихотворения Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939) «В тени Бен-Балбена». Выбита на его надгробии.

сказать ей, какая она красавица, как ее волосы сверкают медным огнем.

– Спасибо, – ответила она. – Какой милый комплимент. Она это сказала? Или ему почудилось?

– Думаю, я пролетел с дистиллированной водой, Вики. – Он цеплялся за остатки сознания.

– Я тоже, – безмятежно ответила она.

– Приятно, да?

– Приятно, – мечтательно согласилась она.

Где-то кто-то плакал. Истерически рыдал. Звук нарастал и падал забавными циклами. Прошла, казалось, вечность, прежде чем Энди повернул голову, чтобы посмотреть, что происходит. Выглядело занятым. Все стало занятым. Все словно пребывало в медленном движении. Как в покадровой съемке, если цитировать авангардного кинокритика кампуса. Он постоянно так писал в своей колонке. «Антониони отчасти достигает удивительного эффекта своих фильмов благодаря использованию покадровки». Какое любопытное, действительно умное слово: в нем слышался шорох змеи, выползающей из холодильника... *покадровка*.

Несколько аспиранток и аспирантов покадрово бежали к одной из кушеток, стоявшей около доски аудитории 70. Лежавший на этой кушетке парень, похоже, что-то делал со своими глазами. Да, он определенно что-то делал со своими глазами: вцепился в них и пытался вырвать из головы. Пальцы скрючились, кисти напоминали птичьи лапы с когтями,

и кровь хлестала из глазниц. Хлестала в покадровой съемке. Игла выскакивала из вены в покадровой съемке. Уэнлесс бежал в покадровой съемке. Глаза парня на кушетке теперь выглядели как расплющенные яйца-пашот, хладнокровно отметил Энди. Да, именно так.

Потом белые халаты собрались вокруг кушетки, и он перестал видеть парня. Прямо за кушеткой на стене висел учебный плакат, изображавший основные отделы человеческого мозга. Какое-то время Энди внимательно изучал плакат. «Очень интер-р-р-ресно», – как говаривал Арти Джонсон в «Поводе для смеха».

Окровавленная рука взметнулась среди белых халатов, рука утопающего. Пальцы покрывала слизь, с них свисали кусочки плоти. Рука ударила по плакату, оставив на нем кровавое пятно в форме большой запятой. Плакат с дребезжащим чавканьем начал наматываться на валик.

Кушетку подняли (белые халаты не позволяли увидеть парня, который вырвал себе глаза) и вынесли из комнаты.

Спустя несколько минут (часов? дней? лет?) один из аспирантов подошел к кушетке Энди, проверил капельницу, потом добавил еще немного «Лота шесть» в мозг Энди.

– Как самочувствие, парень? – спросил аспирант, но, разумеется, он вовсе не был аспирантом, не был и студентом; никто из них не учился в колледже. Во-первых, выглядел этот тип лет на тридцать пять, слишком старый для аспиранта. А во-вторых, он работал на Контору. Энди вдруг обнаружил,

что знает это. Абсурд, конечно, но он знал. И звали этого мужчину...

Энди напрягся и нашел имя. Мужчину звали Ральф Бакстер.

Он улыбнулся. Ральф Бакстер. Легко и просто.

– Я чувствую себя нормально, – ответил Энди. – А что с тем парнем?

– С каким парнем, Энди?

– Тем, который вырвал себе глаза, – безмятежно ответил Энди.

Ральф Бакстер улыбнулся и похлопал Энди по руке.

– Зрительные галлюцинации, да?

– Вовсе нет, – подала голос Вики. – Я тоже это видела.

– Вы думаете, что видели, – ответил аспирант, который не был аспирантом. – У вас одна и та же галлюцинация. Парень, лежавший у доски, выдал мышечную реакцию. Что-то вроде судорог. Никаких вырванных глаз. Никакой крови.

Он собрался уходить.

– Друг мой, невозможно увидеть общую зрительную галлюцинацию без предварительного обсуждения. – Энди чувствовал себя невероятно умным. Его логика выглядела безупречной, бесспорной. Он держал старину Ральфа Бакстера за яйца.

Ральф улыбнулся, несколько не утратив присутствия духа.

– С этим препаратом все возможно, – ответил он. – Я ско-

ро, идет?

– Конечно, Ральф, – согласился Энди.

Ральф остановился, вернулся к кушетке, на которой лежал Энди. Вернулся в покадровой съемке. Задумчиво посмотрел на Энди. Тот улыбнулся в ответ широкой, глупой, обдолбанной улыбкой. Я тебя снова подловил, старина Ральф. Опять ухватил за яйца. И тут на него выплеснулся ушат информации о Ральфе Бакстере, прорва всякого и разного: ему тридцать пять, в Конторе он шесть лет, до этого два года в ФБР, он...

За свою карьеру убил четверых, троих мужчин и одну женщину. После смерти изнасиловал ее. Независимый журналист, работала на агентство Ассошиэйтед Пресс и узнала...

Данный момент получился скомканным. Однако значения это не имело. Внезапно Энди понял, что не хочет этого знать. Улыбка увяла. Ральф Бакстер все смотрел на него, и Энди потащило в черную паранойю, которую он помнил по двум прошлым улетам с ЛСД... только еще более глубокую и пугающую. Он понятия не имел, каким образом столько узнал о Ральфе Бакстере – и как ему стали известны имя и фамилия мнимого аспиранта, – но ужасно боялся, что, расскажи он все это Бакстеру, его наверняка вынесут из аудитории 70 «Джейсон-Гирней-холла» так же быстро, как и парня, вырвавшего себе глаза. А может, это действительно была галлюцинация? Странное происшествие теперь казалось со-

вершенно нереальным.

Ральф все смотрел на Энди. Постепенно губы Ральфа растягивались в улыбке.

– Видишь? – мягко сказал он. – С «Лотом шесть» случается всякое.

Он ушел. Энди облегченно выдохнул. Взглянул на Вики, и она смотрела на него, в широко раскрытых глазах читался испуг. *Она слышит мои эмоции*, подумал Энди. *Как по радио. Так что сдерживайся. Помни, что она улетела, чем бы это дерьмо ни было!*

Он улыбнулся Вики, и через мгновение она нерешительно улыбнулась в ответ. Спросила, что не так. Он ответил, что не знает, может, и ничего.

(но мы не разговариваем... ее губы не двигаются)

(правда?)

(вики? это ты?)

(это телепатия, энди? так?)

Он не знал. Но чем-то это было. Энди закрыл глаза.

Они точно аспиранты? – спросила она встревоженно. Они какие-то другие. Это наркотик, Энди? Я не знаю, ответил он, не открывая глаз. Я не знаю, кто они. Что случилось с тем парнем? Которого они унесли? Он открыл глаза и посмотрел на Вики, но она качала головой. Не помнила. Энди удивился, но тут же с ужасом осознал, что и сам едва помнит. Кажется, прошли многие годы. У него начались судороги, у того парня, верно? Мышечная реакция, вот и все. Он...

Вырвал себе глаза.

Но имело ли это значение? По большому счету?

Рука, взметнувшаяся среди белых халатов; рука утопающего.

Но это случилось давным-давно. Где-то в двенадцатом столетии.

Окровавленная рука. Бьет по учебному плакату. Плакат с дребезжащим чавканьем наматывается на валик.

Лучше плыть по течению. Вики снова казалась встревоженной.

Зазвучала музыка, полилась из потолочных динамиков, что-то приятное... куда приятнее мыслей о судорогах и вырванных глазах. Музыка нежная и при этом величественная. Гораздо позже Энди решил (обсудив с Вики), что это был Рахманинов. И впоследствии, заслышав Рахманинова, он, пусть и смутно, вспоминал бесконечное, выпавшее из времени время, проведенное в аудитории 70 «Джейсон-Гирней-холла».

Что там было реальностью, а что – галлюцинацией? Двенадцать лет Энди Макги возвращался к этому вопросу, но ответа так и не нашел. В какой-то момент вещи начали летать по комнате, словно задул ветер, которого он, Энди, ощутить не мог. Бумажные стаканчики, полотенца, манжета тонометра, град ручек и карандашей. В другой момент, вроде бы позже (или раньше – восстановить хронологию событий не получалось), один из участников эксперимента забился в при-

падке, за которым последовала остановка сердца... а может, так показалось. Его лихорадочно пытались вернуть к жизни. Сначала дыханием рот в рот, потом уколom в грудную клетку, наконец, с помощью какого-то аппарата: аппарат громко завывал и был оснащен двумя черными чашками, подсоединенными к толстым проводам. Энди вроде бы помнил, как один из аспирантов орал: «Разряд! Разряд! Ох, дай их мне, козел!»

Потом он вроде бы спал, впадая в забытье и вырываясь из него. Разговаривал с Вики, и они делились друг с другом подробностями своей жизни. Энди рассказал об автомобильной аварии, которая унесла жизнь матери, о том, как следующий год провел у тетки, от горя пребывая на грани нервного расстройства. Вики рассказала, что однажды подросток, которого оставили приглядывать за ней, семилетней, попытался ее изнасиловать, и теперь она ужасно боится секса, а еще больше боится, что она фригидная, и это стало самой главной причиной, которая привела к разрыву с ее парнем. Он слишком... давил на нее.

Они рассказывали и многое другое, о чем мужчина и женщина обычно говорят, лишь прожив вместе немало лет... и такое, о чем никогда не говорят, даже в темноте супружеской спальни, которую делили десятилетия.

Однако *говорили* ли они?

Этого Энди так и не узнал.

Время остановилось, но все-таки текло.

В себя он приходил постепенно. Рахманинов стих... будто и не звучал вовсе. Вики мирно спала на соседней кушетке, прижав руки к груди, словно ребенок, заснувший, произнося вечернюю молитву. Энди смотрел на нее и понимал, что в какой-то миг влюбился. Влюбился по уши и бесповоротно, двух мнений тут быть не могло.

Через какое-то время он огляделся. Несколько кушеток пустовали. В помещении оставались только пятеро участников эксперимента. Некоторые спали. Один сидел на кушетке, и аспирант – совершенно обычный аспирант, молодой человек лет двадцати пяти – задавал ему вопросы и записывал ответы на лист бумаги, закрепленный на планшете. Очевидно, участник эксперимента сказал что-то забавное, и оба приглушенно рассмеялись, как смеются, зная, что рядом кто-то спит.

Энди сел, попытался понять собственное состояние. Самочувствие – прекрасное. Улыбнулся – получилось отлично. Мышцы не болели, никаких тебе судорог. Его переполняли жажда жизни и бодрость, все органы чувств идеально настроены, он словно родился заново. Он помнил, как точно так же просыпался в детстве по субботам, зная, что велосипед ждет его в гараже, стоит на подножке, а впереди у него целый уик-энд, ярмарка грез, где все аттракционы – бесплат-

ные.

Другой аспирант подошел к нему.

– Как самочувствие, Энди?

Энди посмотрел на него. Тот самый парень, который втыкал иглу ему в вену... когда? Год тому назад? Он потер ладонью по щеке и услышал скрежет щетины.

– Чувствую себя Рипом ван Винклем.

Аспирант улыбнулся.

– Прошло только сорок восемь часов – не двадцать лет. Так как ты себя чувствуешь?

– Отлично.

– Нормально?

– Что бы ни означало это слово – да. Нормально. Где Ральф?

– Ральф? – Аспирант приподнял брови.

– Да, Ральф Бакстер. Лет тридцати пяти. Здоровяк. Волосы песочного цвета.

Аспирант улыбнулся.

– Ты его придумал.

Энди вопросительно посмотрел на аспиранта.

– Я... что?

– Придумал. Ральф – твоя галлюцинация. Единственный Ральф, связанный с тестированием «Лота шесть», – представитель «Дартан фармасьютикал». Ральф Штайнхэм. И ему лет пятьдесят пять.

Энди долго смотрел на аспиранта, не произнося ни сло-

ва. Ральф – галлюцинация? Что ж, возможно. Без паранойи в этой наркотической грезе точно не обошлось: Энди помнил, что принял Ральфа за какого-то секретного агента, который убил не одного человека. Он слабо улыбнулся. Аспирант улыбнулся в ответ... слишком быстро и с готовностью, отметил про себя Энди. Или это тоже паранойя? Наверняка.

Парня, который сидел и говорил, когда Энди проснулся, уже провожали к двери. На ходу он пил апельсиновый сок из бумажного стаканчика.

– Никто не пострадал? – осторожно спросил Энди.

– Пострадал?

– Никто не бился в судорогах? Или?..

Аспирант встревоженно наклонился к нему.

– Послушай, Энди, я надеюсь, ты не будешь рассказывать ничего такого в кампусе? Это нанесет огромный ущерб исследовательской программе доктора Уэнлесса. На следующий семестр у нас намечены эксперименты с «Седьмым лотом» и «Восьмым», поэтому...

– Так что-то было?

– Один паренек выдал мышечную реакцию, слабую, но болезненную, – ответил аспирант. – Через пятнадцать минут она прошла, без последствий. Но ты знаешь, у нас идет охота на ведьм. Остановите призыв, запретите военную кафедру, прогоните агентов по найму на работу в «Доу кемикал». Потому что эта компания производит напалм... Реакция может быть совершенно неадекватной, а я склонен думать, что это

очень важное исследование.

– Кто это был?

– Ты же знаешь, что я не могу ответить. Я прошу лишь об одном: помни, что ты находился под воздействием легкого галлюциногена. Не смешивай вызванные препаратом фантазии с реальностью и не распространяй эту мешанину по кампусу.

– А вы мне позволите? – спросил Энди.

На лице аспиранта отразилось недоумение.

– Не представляю, как мы можем тебя остановить. Любая экспериментальная программа в колледже в большой степени зависит от добровольцев. За жалкие двести долларов мы не можем ожидать, что ты будешь молчать как рыба, правда?

Энди почувствовал облегчение. Если этот парень лгал, то виртуозно. Увиденное действительно могло быть чередой галлюцинаций. На соседней кушетке зашевелилась Вики.

– Теперь можем перейти к делу? – с улыбкой спросил аспирант. – Как я понимаю, вопросы положено задавать мне, так?

И он задал вопросы. К тому времени, когда Энди закончил на них отвечать, Вики уже окончательно проснулась, выглядела отдохнувшей, спокойной, ослепительной и улыбалась ему. Вопросы были подробные. Многие из них Энди задал бы и сам.

Но почему его не отпускало ощущение, что все эти вопросы – ширма?

Сидя на диване в одной из маленьких гостиных Студенческого клуба, Энди и Вики сравнивали галлюцинации.

Вики не помнила того момента, который тревожил Энди больше всего: окровавленная рука, вяло покачивающаяся над белыми халатами, бьющая по учебному плакату, потом исчезающая. Зато Энди не помнил того, что наиболее ярко запечатлелось в ее памяти: мужчина с длинными светлыми волосами поставил рядом с ее кроватью складной столик, и его поверхность находилась на уровне ее глаз. На столике появились костяшки домино, и мужчина сказал: «Повали их, Вики, повали их». А когда она потянулась к костяшкам, желая выполнить просьбу и повалить их, он мягко, но решительно перехватил руки и прижал к ее груди. «Для этого руки тебе не нужны, Вики. Просто повали их». После чего она посмотрела на костяшки домино, и они упали, одна за другой. Дюжина или около того.

– От этого я почувствовала себя очень уставшей, – рассказала она Энди, улыбаясь своей легкой, озорной улыбкой. – И у меня сложилось впечатление, что потом мы обсуждали Вьетнам. Я сказала что-то вроде: «Да, это доказывает: если уйдет Южный Вьетнам, уйдут они все». Он улыбнулся, хлопнул меня по руке и сказал: «Почему бы тебе не поспать, Вики. Ты наверняка сильно устала». И я заснула. – Она пока-

чала головой. – Но теперь это не кажется реальным. Наверное, я все выдумала или галлюцинация возникла на почве чего-то совершенно обычного. Вспомни, ты видел его? Высокого мужчину со светлыми волосами до плеч и маленьким шрамом на подбородке?

Энди не помнил.

– Но я не понимаю, как мы могли разделить *любую* из этих фантазий, если только они не изобрели препарат, который выявляет телепатические способности, а не просто вызывает галлюцинации. Я знаю, в последние годы ходили такие разговоры... Идея состояла в том, что галлюцинации обостряют восприятие... – Он пожал плечами, улыбнулся. – Карлос Кастанеда, где ты теперь, когда ты нам нужен?

– А может, мы просто обсуждали какую-то галлюцинацию, а потом об этом забыли? – спросила Вики.

Он согласился, что вероятность велика, но произошедшее с ними продолжало тревожить его. Это была, как говорили, «шуба»⁹.

– Целиком и полностью я уверен только в одном, – сказал он, собравшись с духом. – Я, похоже, влюбился в тебя, Вики.

Она нервно улыбнулась и поцеловала его в уголок рта.

– Это так мило, Энди, но...

– Но ты немного боишься меня. А может, всех мужчин.

– Может, и так.

⁹ Странное поведение под воздействием галлюциногенов, которое, как правило, невозможно предусмотреть.

– Я лишь прошу: дай мне шанс.

– Шанс у тебя есть, – ответила она. – Ты мне нравишься, Энди. Очень. Но, пожалуйста, помни, что я пугаюсь. Иногда я просто... пугаюсь. – Она попыталась пожать плечами, но содрогнулась всем телом.

– Я запомню, – ответил он, обнял ее и поцеловал. После короткой паузы она ответила на поцелуй, держа его за руки.

– Папуля! – закричала Чарли.

Мир тошнотворно вращался перед глазами Энди. Натриевые фонари вдоль Северной трассы были под ним, земля – над ним и стряхивала его с себя. Потом он приземлился на пятую точку и съехал по оставшейся части насыпи, как мальчишка с ледяной горки. Ниже беспомощно катилась Чарли.

О нет, она вылетит прямо под колеса...

– Чарли! – сипло крикнул он, так, что заболело горло и едва не раскололась голова. – Осторожнее!

Затем увидел ее, сидящую на корточках на аварийной полосе, в ярком свете автомобильных фар, плачущую. Мгновением позже приземлился рядом, крепко приложившись задом к асфальту. Боль взлетела по позвоночнику до головы. В глазах задвоилось, затроилось, но в конце концов зрение пришло в норму.

Чарли так и сидела на корточках, обхватив голову руками.

– Чарли. – Он прикоснулся к ней. – Ты в порядке, лапочка?

– Лучше бы меня выкинуло под машины! – выкрикнула она сквозь слезы, ее голос звенел от презрения к себе, и у Энди защемило сердце. – Я этого заслуживаю, потому что подожгла того человека!

– Ш-ш-ш, – попытался он успокоить ее. – Чарли, незачем

тебе больше об этом думать.

Он обнял дочь. Автомобили проносились мимо. В любом мог сидеть коп, и тогда для них все закончится. Сейчас такой исход вызывал почти облегчение.

Ее рыдания поутихли. Он понял, что отчасти их причина – усталость, которая и его боль делала нестерпимой, вызывала совершенно излишний поток воспоминаний. Если бы они могли добраться до укромного местечка и прилечь...

– Ты можешь встать, Чарли?

Она медленно поднялась, смахнула последние слезы. Лицо лунным диском белело в темноте. Глядя на нее, он почувствовал острый укол вины. Ей бы сейчас лежать в уютной постели в доме, за который постепенно выплачивается ипотечный кредит, с плюшевым медвежонком под рукой, чтобы следующим утром вернуться в школу и бороться за Бога, страну и второй класс. Вместо этого в четверть второго ночи она стояла на аварийной полосе платной автострады в северной части штата Нью-Йорк, преследуемая силами правопорядка, сокрушенная чувством вины, потому что унаследовала кое-что от матери и отца, и это кое-что досталось ей помимо ее воли, точно так же, как и ясные синие глаза. Непросто объяснить семилетней девочке, что папе и маме однажды потребовались двести долларов, и люди, к которым они обратились, солгали им, сказав, что опасаться нечего.

– Мы попытаемся поймать попутку. – Энди обнял ее за плечи – то ли для того, чтобы успокоить, то ли чтобы обре-

сти дополнительную точку опоры. – Доедем до отеля или мотеля и там поспим. А потом подумаем, что делать дальше. Согласна?

Чарли молча кивнула.

– Хорошо. – Он поднял руку с оттопыренным пальцем. Машины пролетали мимо, не сбрасывая скорости, а менее чем в двух милях от них зеленый автомобиль тронулся с места. Энди об этом не знал. Его измученный болью разум вернулся к тому вечеру, когда они с Вики сидели в Студенческом клубе. Она жила в одном из общежитий, он проводил ее туда, на пороге, у большой двустворчатой двери вновь поцеловал в губы, и она неуверенно обняла его за шею – девушка, сохранившая девственность. Они были молоды, Господи, они были так молоды.

Машины пронеслись мимо, обдавая их порывами ветра, от которых волосы Чарли взлетали и опускались, а он вспоминал, что еще произошло в тот самый вечер двенадцать лет назад.

Оставив Вики в общежитии, Энди пересекал кампус, направляясь к шоссе, чтобы поймать попутку до города. И хотя он едва ощущал майский ветерок, чуть выше тот шумел в кронах вязов, росших вдоль аллеи, будто невидимая река над головой – река, о которой можно было догадаться лишь по легчайшей зыби.

Проходя «Джейсон-Гирней-холл», Энди остановился перед темным зданием. Вокруг деревья шуршали молодой листвой в невидимой реке ветра. Холодок страха спустился по позвоночнику и обосновался в животе, вызвав легкий озноб. Энди дрожал, хотя вечер выдался теплым. Большой серебряный доллар луны то и дело выскальзывал из-за сгущавшихся облаков, золоченых яхт, плывущих по ветру, плывущих в этой черной воздушной реке. Лунный свет отражался от окон здания. Казалось, они таращатся на него, как пустые, отталкивающие глаза.

Здесь что-то произошло, думал он. Нечто большее в сравнении с тем, что нам рассказали или чего мы могли ожидать. И что это было?

Мысленным взором он вновь увидел падающую окровавленную руку: только на этот раз она ударила по учебному плакату, оставив кровавое пятно, формой напоминавшее большую запяточку... а потом плакат с дребезжащим чавка-

ньем намотался на валик.

Энди направился к «Джейсон-Гирней-холлу». Бред. После десяти вечера в учебные корпуса никого не пускали. И...

И я боюсь.

Да. Именно так. Слишком много тревожных полувоспоминаний. Слишком легко убедить себя, что они были лишь галлюцинациями. Вики уже почти согласилась это принять. Участник эксперимента, вырвавший себе глаза. Какая-то девушка кричит, что лучше ей умереть, что смерть лучше, чем это, даже если придется оказаться в аду и гореть там веки вечные. У кого-то остановилось сердце, и его увезли с леденящим душу профессионализмом. Потому что – давай это признаем, Энди, старина, – мысли о телепатии тебя не пугают. Тебя пугает другое: а вдруг что-то из этого действительно произошло?

Постукивая каблуками, Энди подошел к большой двустворчатой двери. Попытался открыть. Заперто. Через стеклянную панель он видел пустой вестибюль. Энди постучал, а когда заметил идущего к двери человека, чуть не дал деру, потому что не сомневался: из заполнявших вестибюль теней выплывет лицо Ральфа Бакстера или мужчины со светлыми волосами до плеч и маленьким шрамом на подбородке.

Он ошибся. К двери подошел и выглянул наружу типичный охранник из службы безопасности колледжа: лет шестьдесят с небольшим, с вечно недовольной морщинистой физиономией, настороженными голубыми глазами, слезящи-

мися из-за пристрастия к спиртному. На ремне у него висели большие табельные часы.

– Здание закрыто! – рявкнул он.

– Знаю, – ответил Энди, – но я участвовал в эксперименте в аудитории семьдесят, который закончился этим утром, и...

– Не важно! В будние дни здание закрывается в девять вечера. Приходи завтра!

– ...и я думаю, что оставил там часы, – закончил фразу Энди. Часов у него никогда не было. – Эй, что скажете? Я только загляну туда и сразу вернусь.

– Я не могу этого разрешить, – ответил охранник, но без должной уверенности в голосе.

– Конечно, можете, – не задумываясь, произнес Энди тихим голосом. – Я слетаю туда и больше не буду вам докучать. Вы обо мне даже не вспомните.

Что-то странное происходило в его голове: он словно подался вперед и *толкнул* этого старого ночного охранника, только не руками, а мысленно. Послал некий импульс. И охранник нерешительно отступил на два или три шага, отпустив дверь.

Немного встревожившись, Энди вошел. Голову пронзила резкая боль, которая быстро стихла до слабой пульсации, а через полчаса исчезла вовсе.

– Скажите, с вами все в порядке? – спросил он охранника.

– Что? Конечно, в порядке. – Подозрительность охранника как ветром сдуло. Он одарил Энди дружелюбной улыб-

кой. – Иди и поищи свои часы. Можешь не торопиться. Я и не вспомню, что ты здесь был.

И он ушел.

Энди проводил его недоуменным взглядом, потом рассеянно потер лоб, словно поглаживая затаившуюся под ним боль. Что он сделал со стариком? *Что-то* точно сделал.

Он повернулся, направился к лестнице, начал подниматься. На верхнем этаже его ждал узкий темный коридор. От внезапно навалившейся клаустрофобии перехватило дыхание, на шее словно затянули невидимую удавку. Верхняя часть здания будто погрузилась в ветряную реку, и воздух пронзительно завывал, забираясь под карнизы. В аудиторию 70 вели две двустворчатые двери, с верхними панелями из матового стекла. Энди остановился у одной, прислушиваясь, как снаружи ветер проносится по старым водосточным желобам и трубам, гремит ржавым железом. Сердце гулко колотилось в груди.

В тот момент он едва не развернулся, чтобы уйти. Вдруг решил, что лучше ничего не знать, просто забыть. Потом протянул руку и схватился за ручку, говоря себе, что волноваться не о чем, чертова дверь будет заперта, и он уйдет со спокойной совестью.

Только уйти не получилось. Ручка легко повернулась. Дверь открылась.

По комнате в ярком лунном свете метались тени ветвей старых вязов. Кушетки вынесли, доску начисто вымыли.

Учебный плакат висел скатанным на валике, словно жалюзи, на виду оставалось лишь вытяжное кольцо. Энди шагнул к нему, после короткого колебания потянулся подрагивающей рукой, схватил и дернул вниз.

Отделы человеческого мозга, разложенные и подписанные, как на схеме разделки туши. Один только вид плаката вновь вызвал неприятные ощущения, будто он лизнул кислоты; никакого кайфа, его затошнило, из горла вырвался стон, легкий, как серебристая паутинка.

Кровавое пятно возникло перед ним, черная запятая в мерцающем лунном свете. До прошедшего в выходные эксперимента на плакате значилось: «CORPUS CALLOSUM». Теперь осталось только «COR OSUM». Остальные буквы скрыло пятно, формой напоминающее запятую.

Такая вот мелочь.

Такая вот важная деталь.

Он стоял в темноте, глядя на учебный плакат, чувствуя, как его начинает трясти. Так что произошло наяву? Малая часть? Большая? Все? Ничего из вышеперечисленного?

За спиной раздался звук... или он подумал, что раздался: едва слышный скрип ботинок.

Его руки дернулись, одна зацепила учебный плакат с тем же самым отвратительным чавкающим звуком. Плакат тут же начал подниматься, накручиваясь на валик. Дребезжание разнеслось по темной аудитории.

Тут постучали в припорошенное лунным светом дальнее

окно: то ли ветка, то ли мертвые пальцы, окровавленные, покрытые кусочками плоти: *пустите меня я оставил здесь свои глаза пустите меня пустите ...*

Энди развернулся, как в замедленном сне, покадровом сне, с тошнотворной уверенностью, что сейчас увидит этого парня, призрака в белом халате. С сочащимися кровью черными дырами на месте глаз. Его сердце ухало в горле.

Он никого не увидел.

Никаких призраков.

Но выдержка изменила ему, и когда ветка вновь постучала в окно, он сбежал, не удосужившись даже захлопнуть за собой дверь. Промчался по узкому коридору, а шаги бросились в погоню, эхо его бегущих ног. Вниз он слетел, перепрыгивая по две ступеньки, и остановился только в вестибюле, тяжело дыша, с пульсирующей в висках кровью. Воздух царапал горло, словно нарезанная солома.

Охранника Энди так и не встретил. Ушел, хлопнув за собой створку тяжелой двери, и крадучись двинулся по дорожке к прямоугольному двору, словно беглец, каковым он со временем и стал.

Пятью днями позже, против ее воли Энди притащил Вики Томлинсон в «Джейсон-Гирней-холл». Она уже решила, что больше не желает думать об эксперименте. Получила чек на двести долларов от факультета психологии, обналачила его и теперь хотела забыть, откуда взялись эти деньги.

Он убедил ее, привлек на помощь красноречие, прежде ему не свойственное. Они пошли на перемене, около трех часов дня, под перезвон колоколов церкви Гаррисона, далеко разносившийся в дремотном майском воздухе.

– С нами ничего не может случиться ясным днем, – сказал Энди, отказываясь объяснить даже самому себе, чего он боится. – Вокруг будут десятки людей.

– Я просто не хочу туда идти, – ответила Вики, но пошла.

Несколько студентов вышли из аудитории после занятий, с учебниками под мышкой. Солнце окрашивало окна оттенками желтого в отличие от серебристой белизны лунного света, запомнившейся Энди ночью. Вслед за Энди и Вики зашли еще несколько человек, у которых в три часа начинался семинар по биологии. Один парень начал негромко, но с жаром рассказывать двум другим о намеченном на выходные марше протеста против вневойсковой подготовки офицеров запаса. Никто не обращал ни малейшего внимания на Энди и Вики.

– Ладно. – Голос Энди дрожал от нервного напряжения. – Посмотрим, что ты на это скажешь.

Взявшись за вытяжное кольцо, он развернул учебный плакат. Перед ними появился голый человек с содранной кожей. От надписей тянулись стрелки к внутренним органам. Мышцы напоминали переплетенные пучки красной пряжи. Какой-то остряк обозвал человека Оскаром-Брюзгой.

– Господи! – выдохнул Энди.

Вики сжала его руку, ее ладонь была теплой и влажной.

– Пожалуйста, давай уйдем. Пока нас никто не узнал.

Он не возражал. Сам факт замены плаката напугал его больше всего. Он резко дернул кольцо вниз и отпустил. Со знакомым чавкающим звуком плакат намотался на валик.

Другой плакат. Тот же звук. Двенадцать лет спустя он по-прежнему мог его слышать – когда позволяла раскалывающаяся от боли голова. После того дня он никогда не заходил в аудиторию 70 «Джейсон-Гирней-холла», но звук так с ним и остался.

Он часто слышал его во сне... и видел вскинутую, тонущую, окровавленную руку.

Зеленый автомобиль ехал по дороге аэропорта к выезду на Северную трассу. Норвилл Бейтс крепко сжимал руль ладонями. Из радиоприемника приглушенно лилась классическая музыка. Теперь у Бейтса были короткие, зачесанные назад волосы, но маленький полукруглый шрам на подбородке не изменился: остался с детства, когда он порезался осколком бутылки от кока-колы. Вики, будь она жива, узнала бы Бейтса.

– Одна машина уже в пути, – сообщил мужчина в костюме от «Ботани-500». Его звали Джон Майо. – Этот парень – внештатник, вольный стрелок. Работает и на РУМО, и на нас.

– Как обыкновенная шлюха, – добавил третий мужчина, и все они нервно, нарочито рассмеялись. Они знали, что цель близка: чуяли кровь. Третьего звали Орвилл Джеймисон, но он предпочитал Оу-Джей, а еще лучше – Оранжад. На всех внутренних документах он так и расписывался: Оу-Джей. Однажды подписался «Оранжад», однако ублюдок Кэп объявил ему выговор. Причем не устный, а письменный, который пошел в личное дело.

– Думаешь, они выбрали Северную трассу? – спросил Оу-Джей.

Норвилл Бейтс пожал плечами.

– Или Северную трассу, или направились в Олбани, – от-

ветил он. – Я дал команду местному топтуну проверить все отели в городе, потому что это его город, верно?

– Само собой, – кивнул Джон Майо. Они с Норвиллом отлично ладили. Вместе прошли долгий путь. От самой аудиотории 70 в «Джейсон-Гирней-холле», а там – и вам это скажет любой, кто в курсе, – было *жутко*. И Джону совершенно не хотелось, чтобы эта жуть повторилась с ним вновь. Именно он пытался вернуть к жизни парня, у которого остановилось сердце. Во Вьетнаме он служил фельдшером и знал, что делать с дефибрилятором... во всяком случае, в теории. На практике все получилось не так хорошо, и юнец ушел от них в мир иной. В тот день двенадцати студентам ввели «Лот шесть». Двое умерли: парень, у которого остановилось сердце, и девушка, шестью днями позже, в общежитии; как показало вскрытие – от эмболии сосудов головного мозга. Еще двое безвозвратно обезумели: парень, который ослепил себя, и девушка, которую впоследствии парализовало от шеи до пяток. Уэнлесс говорил, что дело в психологии, но кто, твою мать, знал наверняка? Чего уж там, славно они поработали в тот день.

– Местный топтун берет с собой жену, – продолжал Норвилл. – Она как бы ищет свою внучку. Ее сын сбежал с девочкой. Скандальный развод и все такое. Она не хочет ставить в известность полицию, пока не останется другого выхода, но боится, что ее сын свихнулся. Если она все разыграет правильно, ни один ночной портье не откажется сообщить

ей, что искомая парочка остановилась у него.

– Если она все разыграет правильно, – подчеркнул Оу-Джей. – Никогда не знаешь, чего ждать от этих внештатников.

– Мы направляемся к ближайшему въезду на трассу, так? – спросил Джон.

– Так, – кивнул Норвилл. – Будем там через три-четыре минуты.

– Им хватило времени, чтобы добраться туда?

– Хватило, если они рвали когти. Может, удастся взять их голосующими на выезде. А может, они срезали путь и спустились вниз на аварийную полосу. В любом случае, поедем по трассе, пока на них не наткнемся.

– Куда направляешься, дружище? Запрыгивай, – ввернул Оранжад и рассмеялся. Из плечевой кобуры под левой рукой торчала рукоятка «магнума» 357-го калибра. Оу-Джей называл его Кусакой.

– Если они уже поймали попутку, мы в полном дерьме, Норв, – заметил Джон.

Норвилл пожал плечами.

– Время играет нам на руку. Сейчас четверть второго. Машин мало. И что подумает мистер Бизнесмен, увидев голосующего здоровяка с маленькой девочкой?

– Подумает, что случилась беда, – ответил Джон.

– И нас это очень даже устроит.

Оранжад вновь рассмеялся. Впереди в темноте замерцал

светофор, отмечающий съезд на Северную трассу. Оу-Джей
взялся за отделанную ореховым деревом рукоятку Кусаки.
На всякий случай.

Фургон проехал мимо, обдав их волной холодного воздуха... потом ярко вспыхнули тормозные фонари, фургон свернул на аварийную полосу и остановился в пятидесяти ярдах.

– Слава Богу, – выдохнул Энди. – Говорить буду я, Чарли.

– Хорошо, папуля, – равнодушным голосом ответила она.

Под ее глазами вновь темнели мешки. Водитель фургона сдал назад, когда они зашагали к нему. Голова Энди словно превратилась в медленно раздувающийся свинцовый шар.

Борт фургона украшала сценка из «Тысячи и одной ночи»: халифы, девы под полупрозрачными накидками, ковер-самолет. Ковер, несомненно, красный, в свете натриевых фонарей обрел темно-бордовый цвет подсыхающей крови.

Энди открыл пассажирскую дверцу кабины и помог Чарли забраться на сиденье. Последовал за ней.

– Спасибо, мистер, – поблагодарил он водителя. – Спасли нам жизнь.

– Всегда рад помочь, – ответил водитель. – Привет, маленькая незнакомка.

– Привет, – тихо ответила Чарли.

Водитель глянул в боковое зеркало, плавно тронул фургон с места, разогнал по аварийной полосе и вернулся на трассу. Посмотрев на него поверх склоненной головы Чарли,

Энди почувствовал укол вины – он всегда проезжал мимо таких молодых людей, голосовавших на обочине: крепкий, но худощавый, с окладистой курчавой черной бородой, спускавшейся на грудь, в широкополой фетровой шляпе, непреходящем атрибуте фильмов о враждующих кланах Кентукки. Торчавшая из угла рта самокрутка пускала струйки дыма. Судя по запаху – обычная сигарета, без сладковатого привкуса конопли.

– Куда едем, друг? – спросил водитель.

– Двумя городами дальше по трассе, – ответил Энди.

– В Гастингс-Глен?

– Верно.

Водитель кивнул.

– Как я понимаю, от кого-то бежишь?

Чарли напряглась, Энди положил руку ей на спину и успокаивающе поглаживал, пока девочка не расслабилась. Угрозы в голосе водителя не слышалось.

– В аэропорту был судебный пристав, – ответил он.

Водитель улыбнулся – огромная борода почти скрыла улыбку, – достал окурочек изо рта и подставил ветру в приоткрытую форточку. Набегающий воздушный поток тут же утащил подношение.

– Видимо, это связано с маленькой незнакомкой.

– Похоже на то.

Водитель замолчал. Энди откинулся на спинку сиденья, попытался приноровиться к головной боли. Она, похоже, вы-

шла на максимум, и хотелось кричать. Бывало ли ему прежде так плохо? Точного ответа он дать не мог. Всякий раз, когда он перебарщивал с импульсом, боль казалась нестерпимой. Пройдет месяц, прежде чем он решится вновь воспользоваться своим даром. Он понимал, что два города по трассе от Олбани – слишком близко, но боялся, что на большее расстояние этой ночью его просто не хватит. Он себя исчерпал. Придется удовольствоваться Гастингс-Гленом.

– На кого ставишь, друг? – спросил водитель.

– Что?

– Я про «Серии». «Сан-Диего падрес» в «Мировых сериях»... Ты это себе представляешь?

– Не так чтобы очень, – согласился Энди. Собственный голос долетал издалека, словно звон подводного колокола.

– Ты в порядке, друг? Выглядишь бледновато.

– Голова, – ответил Энди. – Мигрень.

– Перенапрягся, – кивнул водитель. – Понимаю. Собираешься остановиться в отеле? Наличные нужны? Могу дать пятерку. С радостью дал бы больше, но еду в Калифорнию, так что должен экономить. Как Джоуды в «Гроздьях гнева».

Энди благодарно улыбнулся.

– Думаю, денег нам хватит.

– Отлично. – Водитель посмотрел на задремавшую Чарли. – Симпатичная девчужка, дружище. Ты приглядываешь за ней?

– Стараюсь, как могу.

– Правильно, – кивнул водитель. – Так и должно быть.

Гастингс-Глен ничем не отличался от любого другого маленького придорожного города. В этот поздний час все светофоры мигали желтым. Бородатый водитель в деревенской шляпе съехал с трассы, довез их по спящему городку и шоссе номер 40 до мотеля «Страна снов», здания из сосновых бревен на краю убранного кукурузного поля. На розово-красной неоновой вывеске на фронтоне в темноте светились буквы «СВ БО НО». Во сне Чарли клонила все левее, пока ее голова не оказалась на обтянутом синими джинсами бедре водителя. Энди предложил переложить дочь, но водитель покачал головой.

– Ей удобно, друг. Пусть спит.

– Вы не против того, чтобы высадить нас чуть дальше? – спросил Энди. Думать удавалось с трудом, но инстинкт самосохранения работал.

– Не хочешь, чтобы ночной портье знал, что вы без автомобиля? – Водитель улыбнулся. – Конечно, друг. Но в таком месте они и бровью не поведут, даже если ты приедешь на одноколесном велосипеде. – Под колесами фургона захрустел гравий обочины. – Уверен, что обойдешься без пятерки?

– Думаю, она мне не помешает, – с неохотой признал Энди. – Вас не затруднит написать мне адрес? Я вышлю деньги.

Водитель вновь заулыбался.

– Мой адрес «в пути», – ответил он, доставая бумажник. – Но ты, возможно, еще увидишь мое счастливое улыбающееся лицо. Как знать? Держи Эйба¹⁰, друг. – Он протянул Энди пятерку, и внезапно Энди расплакался. Не разрыдался, но все же. – Не надо, друг. – Водитель прикоснулся к затылку Энди. – Жизнь коротка, боль велика, и мы все отправлены на эту землю, чтобы помогать друг другу. Такова философия Джима Полсона из комиксов, если вкратце. Береги маленькую незнакомку.

– Обязательно. – Энди вытер глаза. Сунул пятерку в карман вельветового пиджака. – Чарли? Детка? Просыпайся. Почти приехали.

¹⁰ На пятидолларовой купюре изображен Авраам (Эйб) Линкольн.

Тремя минутами позже Чарли сонно привалилась к нему, а он наблюдал, как Джим Полсон едет к закрытому ресторану, разворачивается и вновь направляется к Северной трассе. Старый «форд» с «Тысячью и одной ночью» на бортах, джиннами, визирями и загадочным летающим ковром. Энди поднял руку, Полсон ответил тем же. *Надеюсь, в Калифорнии у тебя все сложится, парень*, подумал Энди и вместе с Чарли зашагал к мотелю «Страна снов».

– Я хочу, чтобы ты подождала меня на улице и никому не попадалась на глаза, – попросил дочь Энди. – Ладно?

– Да, папуля, – сквозь сон ответила Чарли.

Он оставил ее у вечнозеленой изгороди, а сам подошел к двери офиса и нажал кнопку звонка. Через пару минут появился мужчина в банном халате, протирая очки. Открыл дверь и молча впустил Энди.

– Вас не затруднит дать мне номер в конце левого крыла? – попросил Энди. – Я припарковался там.

– В это время года вы можете взять *все* западное крыло, если есть желание. – Ночной портье улыбнулся, продемонстрировав желтые вставные зубы. Протянул Энди регистрационную карточку и ручку с рекламой компании, поставляющей товары для бизнеса. Проехал автомобиль, бесшумные лучи фар скользнули по офису.

Энди назвался Брюсом Розеллом. Брюс водил «вегу» 1978 года выпуска с нью-йоркскими номерами LMS 240. Секунду он смотрел на строку «ОРГАНИЗАЦИЯ/КОМПАНИЯ», а потом в приступе вдохновения (насколько позволяла головная боль) написал: «Объединенная американская компания торговых автоматов». В графе «ОПЛАТА» подчеркнул слово «НАЛИЧНЫЕ».

Проехал еще один автомобиль.

Портье расписался в карточке. Убрал ее.

– С вас семнадцать долларов и пятьдесят центов.

– Ничего, если я расплачусь мелочью? – спросил Энди. –

У меня не было возможности обменять ее на бумажки, вот и таскаю с собой двадцать фунтов серебра. Ненавижу доставку запчастей в деревенские магазины.

– Это те же деньги. Я не против.

– Спасибо. – Энди сунул руку в карман, отодвинул пальцами пятерку, потом зачерпнул пригоршню четвертаков, десятицентовиков, пятак. Насчитал четырнадцать долларов, достал еще мелочь, добавил недостающее. Ночной портье разделил монеты на отдельные кучки, а потом ссыпал в соответствующие ячейки кассового ящика.

– Знаете, – он закрыл кассовый аппарат и с надеждой посмотрел на Энди, – я скину вам пять долларов, если вы почините мой автомат по продаже сигарет. Он уже неделю как не работает.

Энди подошел к автомату, сделал вид, что осматривает

его, потом вернулся.

– Мы эту модель не обслуживаем.

– Дерьмо. Ладно. Спокойной ночи, дружище. Если понадобится, дополнительное одеяло в стенном шкафу.

– Отлично.

Энди вышел из офиса. Гравий скрипел под ногами. Звук, многократно усиливаясь, отдавался в ушах, словно он шагал по каменным хлопьям. Подойдя к зеленой изгороди, Энди обнаружил, что Чарли исчезла.

– Чарли?

Нет ответа. Он переложил гостиничный ключ с длинной зеленой биркой из одной руки в другую. Ладони вспотели.

– Чарли?

Тишина. Энди вспомнил автомобили, проехавшие мимо, пока он заполнял регистрационную карточку. Один вроде бы сбавил ход. Возможно, тот самый зеленый.

Сердцебиение участилось, посылая разрывы боли в мозг. Он попытался подумать о том, что будет делать без Чарли, но не вышло. Слишком болела голова. Он...

Из кустов донеслось тихое посапывание. Этот звук он знал очень хорошо. Метнулся к вечнозеленой изгороди, гравий полетел из-под ног. Ветки царапали ноги, цеплялись за полы пиджака.

Чарли лежала на боку на краю ушедшей к мотелю лужайки, подтянув колени к подбородку и зажав между ними руки. Она крепко спала. Какое-то время Энди стоял над

ней, закрыв глаза, потом потряс дочь за плечо, разбудив, как он надеялся, последний раз за эту ночь. Длинную, длинную ночь.

Веки Чарли дрогнули, она посмотрела на него снизу вверх.

– Папуля? – спросила она заплетающимся со сна языком. – Я спряталась, чтобы никому не попасться на глаза, как ты и просил.

– Я знаю, лапочка, – ответил он. – Я знаю, что ты спряталась. Пойдем. Пора в кровать.

Двадцать минут спустя они лежали на двуспальной кровати номера 16. Чарли уже крепко спала и ровно дышала. Энди еще бодрствовал, но его клонило в сон. Мешала только дикая головная боль. И вопросы.

Они провели в бегах около года. В это не верилось, хотя бы по одной простой причине: как можно быть в бегах, если ты работаешь, а твоя дочь ходит в первый класс? Нет, когда они жили в Порт-Сити, штат Пенсильвания, то бегали только в рамках программы контроля над весом. Их едва не поймали в Порт-Сити, и не потому, что в Конторе служили классные специалисты (хотя их отличало невероятное упорство, и это очень пугало Энди). Просто Энди допустил непростижительную ошибку: временно позволил себе забыть, что они в бегах.

Зато теперь помнил об этом каждую секунду.

Как близко они подобрались? Они все еще в Нью-Йорке? Если бы он мог в это поверить: они не записали номер такси, они все еще пытаются выйти на него. Но скорее всего они уже в Олбани, ползают по аэропорту, как черви по куче отбросов. Гастингс-Глен? Может, доберутся сюда к утру, может, и нет. Гастингс-Глен в пятнадцати милях от аэропорта. Нет смысла позволять параноюе затаптывать здравый смысл.

Я этого заслуживаю! Я этого заслуживаю, потому что

подожгла того человека!

И его собственный голос: *Могло быть и хуже. Ты могла поджечь ему волосы. Или лицо.*

Голоса в комнате призраков.

Новая мысль пришла в голову. Он вроде бы приехал на «веге». Когда придет утро, и ночной портье, выглянув из окна, не увидит автомобиля, что он решит? Что постоялец из «Объединенной американской компании торговых автоматов» уже отбыл? Или решит разобраться? Сейчас он ничего не мог с этим поделать. Потому что полностью вымотался.

Я еще подумал, что он какой-то странный. Выглядел бледным, больным. Сказал, что работает в компании, которая продает торговые автоматы, но не смог починить наш автомат, торгующий сигаретами.

Голоса в комнате призраков.

Он повернулся на бок, прислушиваясь к медленному, ровному дыханию Чарли. Он подумал, что они схватили ее, но она лишь забралась поглубже в кусты, чтобы никому не попасться на глаза. Чарлин Роберта Макги, Чарли с... всегда Чарли. *Если они схватят тебя, Чарли, не знаю, что я тогда сделаю.*

И последний голос, соседа по квартире, Куинси, шестью годами ранее.

Чарли исполнился год, и, разумеется, они знали, что ребенок у них необычный. Знали давно, с первой недели, потому что Вики стала класть младенца в их постель: если девочку оставляли в кроватке, подушка начинала... ладно, начинала тлеть. В тот вечер, когда они убрали кроватку совсем – не обсуждая свой испуг, слишком сильный и слишком странный, который нельзя было выразить словами, – подушка так нагрелась, что обожгла Чарли щечку, и малышка кричала всю ночь, несмотря на соларкаин, найденный Энди в аптечке. Первый год прошел как в тумане: без сна, в постоянном страхе. Мусорные корзины вспыхивали, стоило принести бутылочку чуть позже. Однажды загорелись шторы, и если бы Вики не находилась в комнате...

Но позвонить Куинси его заставило падение Чарли с лестницы. Она уже начала ползать и легко забиралась на лестницу на четвереньках, а потом спускалась тем же способом. В тот день с ней остался Энди: Вики отправилась в «Сентерс» с одной из подруг, за покупками. Она не хотела ехать, и ему пришлось буквально вытолкать ее за дверь. В последнее время она выглядела такой подавленной, такой утомленной. В глазах появилась какая-то обреченность, сродни усталости

от боев, о которой рассказывают побывавшие на войне.

Он читал в гостиной, около подножия лестницы. Чарли забиралась наверх и спускалась: пятилась, не разворачиваясь. На одной из ступенек сидел плюшевый медвежонок. Энди следовало бы убрать игрушку. Но Чарли, поднимаясь, всякий раз обходила медвежонка, и это притупило бдительность Энди, точно так же, как усыпила его видимость нормальной жизни в Гаррисоне.

Спускаясь в третий раз, Чарли зацепила ножкой медвежонка и покатила вниз, крича от злости и страха. На ступенях лежала ковровая дорожка, обошлось даже без синяков – Господь приглядывает за пьяницами и маленькими детьми, как любил говорить Куинси, и именно тогда в тот день он впервые вспомнил о Куинси, – но Энди бросился к дочери, поднял на руки, прижал к себе, успокаивал, ворковал, нес какую-то чушь, при этом высматривая кровь, вывих или перелом, признаки сотрясения мозга. И...

И *почувствовал*, как это пролетело мимо него: невидимый, невероятный разряд смерти, посланный разумом дочери. Словно волна теплого воздуха от проносящегося мимо поезда подземки, если на дворе лето, а ты стоишь у самого края платформы. Мягкий, беззвучный поток теплого воздуха... и тут же плюшевый медвежонок вспыхнул. Медвежонок обидел Чарли – Чарли обидела медвежонка. Взлетели языки пламени, и секунду Энди всматривался сквозь огонь в черные пуговичные глаза игрушки. Но пламя уже переки-

нулось на ковровое покрытие лестницы, где лежал медвежонок.

Энди опустил Чарли на пол и побежал к огнетушителю, который висел на стене рядом с телевизором. Они с Вики не говорили о том, что могла делать их дочь. Иногда Энди пытался, но Вики не хотела об этом слышать. Избегала этой темы с маниакальным упорством, твердила, что у Чарли все нормально, *все нормально*, однако огнетушители в доме появились без всякого обсуждения, стали частью интерьера с той же непринужденностью, с какой поздней весной расцветают в траве одуванчики. Они не говорили о том, что по силам Чарли, но теперь огнетушители всегда были под рукой.

Он схватил его, чувствуя тяжелый запах горящего ковра, бросился к лестнице... однако ему хватило времени, чтобы вспомнить историю, прочитанную в детстве. Рассказ назывался «Мы живем хорошо», и написал его Джером Биксби. Речь шла о мальчике с паранормальными способностями, который поработил родителей, вселив в них ужас перед тысячью возможных смертей, и никто не знал... не мог знать, когда этот маленький ребенок разозлится...

Чарли ревела, сидя на попке у подножия лестницы. Энди яростно дернул рычаг и направил струю пены на распространяющийся огонь, убивая пламя. Поднял плюшевого медвежонка, на которого налипли клочья пены, и с ним спустился с лестницы.

Ненавидя себя, но зная на каком-то подсознательном

уровне, что сделать это необходимо, что черту надо подвести, а урок – выучить, он сунул медвежонок в кричащее, испуганное, залитое слезами лицо Чарли. *Какой же ты мерзкий ублюдок*, думал он. *Почему бы тебе просто не пойти на кухню, не взять нож для фруктов и не порезать ей щеки? Поставить метку?* И разум схватился за эту идею. Шрамы. Да. Вот что он должен сделать. Оставить шрамы. Выжечь шрамы в ее душе.

– Тебе нравится, как выглядит Тедди? – проревел он. Обожженный, почерневший медвежонок был еще теплым, словно остывающий кусок угля. – Тебе нравится, что Тедди весь обгорел, и теперь ты больше не сможешь с ним играть? Нравится, Чарли?

Чарли рыдала с громкими судорожными всхлипами, бледная кожа пошла красными пятнами, слезы лились рекой.

– *Па-а-а-а! Тед! Тед!*

– Да, Тедди, – мрачно подтвердил он. – Тедди обгорел, Чарли. Ты сожгла Тедди. И если ты сожгла Тедди, ты можешь сжечь мамочку. Папулю. А теперь... *чтоб ты этого никогда больше не делала!* – Он наклонился к ней, но не прикоснулся, не поднял на руки. – Никогда больше этого не делай. Потому что это *Плохо!*

– *Па-а-а-а-а-а-а-а...*

И тут его сердце не выдержало, он больше не мог ее пугать. Он поднял дочь на руки, обнял, принялся ходить по дому, укачивая, пока – гораздо позже – рыдания не сменились

всхлипами в груди и хлюпаньем носом. Когда он посмотрел на нее, она спала, прижавшись щекой к его плечу.

Энди положил ее на диван, а сам пошел к телефонному аппарату на кухню и позвонил Куинси.

Куинси говорить не хотел. В том – 1975 – году он работал в большой авиастроительной корпорации и в записках, которыми сопровождал рождественские поздравительные открытки семье Макги, называл свою должность «Вице-президент по вопросам поглаживания по шерстке». Когда у людей, строивших самолеты, возникали проблемы, им предлагалось повидаться с Куинси. Тот помогал в решении возникших проблем: избавлял от чувства одиночества, выводил из кризиса самоопределения, объяснял, что работа ни в коей мере не лишает их личностных особенностей, – и они возвращались на конвейер, чтобы установить положенную деталь на положенное место, а потому самолеты не падали с неба, и мир оставался безопасным для демократии. За это Куинси получал тридцать две тысячи долларов в год, на семнадцать тысяч больше, чем Энди. «И я ни в малейшей степени не испытываю угрызений совести, – писал он. – Я считаю, что это маленькая зарплата, поскольку именно благодаря моим стараниям Америка по-прежнему может летать».

Куинси оставался таким же язвительным и веселым, как и всегда. Только веселье куда-то подевалось из его голоса после того, как Энди позвонил из Огайо: дочка спала на диване, а в нос бил запах горелого плюшевого медвежонка и ков-

ровой дорожки.

– Я кое-что слышал, – в конце концов выдавил из себя Куинси, когда понял, что Энди не собирается отпускать его, не получив хоть какой-то информации. – Но иногда телефонные разговоры прослушивают, дружище. У нас эра Уотергейта.

– Я боюсь, – ответил Энди. – Вики боится. И Чарли тоже боится. Что ты слышал, Куинси?

– Когда-то давно проводился некий эксперимент, в котором участвовало двенадцать человек. Помнишь?

– Помню, – мрачно ответил Энди.

– Из тех двенадцати в живых осталось мало. Насколько я слышал, четверо. И двое из них – теперь муж и жена.

– Понятно, – ответил Энди, чувствуя нарастающий ужас. Осталось только четверо? Что Куинси хочет этим сказать?

– Как я понимаю, один из них может гнуть ключи и захлопывать двери, не прикасаясь к ним. – Пронзительный голос Куинси доносился до него через две тысячи миль телефонных проводов, проходя коммуникационные станции, открытые ретрансляторы, распределительные коробки в Неваде, Айдахо, Колорадо, Айове. Голос Куинси могли подслушать в миллионе мест.

– Неужели? – спросил он, пытаясь говорить спокойно, и подумал о Вики, которая иной раз включала радиоприемник или выключала телевизор, не приближаясь к ним, – и, похоже, даже не отдавала себе отчета в том, что делала.

– Да, это так, – продолжил Куинси. – Он... как бы это сказать... все это подтверждено документально. У него болит голова, если он делает это часто, но делать это он может. Его держат в маленькой комнате с дверью, которую он не в состоянии открыть, с замком, ключ к которому ему не согнуть. Они его исследуют. Он гнет ключи. Он закрывает двери. И, если не ошибаюсь, находится на грани безумия.

– Боже... мой, – выдохнул Энди.

– Он – часть борьбы за мир, так что его умопомешательство послужит правому делу. Он сойдет с ума ради того, чтобы двести двадцать миллионов американцев могли чувствовать себя свободными и в безопасности. Ты это понимаешь?

– Да, – прошептал Энди.

– А что с теми двумя, которые поженились? Ничего. Насколько известно устроителям эксперимента, они живут тихо, в каком-то спокойном штате в центре Америки, вроде бы в Огайо. Раз в год их проверяют, чтобы убедиться, что они не гнут ключи и не закрывают двери, не прикасаясь к ним, и не выделывают психические фортели на дворовой ярмарке для сбора средств на лечение мышечных дистрофиков. К счастью, эти люди ни на что такое не способны. Так, Энди?

Энди закрыл глаза, вдыхая запах горелого. Иногда Чарли открывала дверцу холодильника, заглядывала внутрь и отползала. Если Вики в этот момент гладила, она смотрела на дверцу холодильника, и та захлопывалась – и при этом Вики не казалось, что она делает что-то странное. Так проис-

ходило не всякий раз. Если не происходило, Вики переставала гладить, подходила к холодильнику и закрывала дверцу (или выключала радиоприемник, или включала телевизор). Вики не гнула ключи, не читала мысли, не летала, ничего не поджигала, не предсказывала будущее. Она иногда могла закрыть дверь, не пересекая для этого комнату, вот и все. Если она несколько раз делала что-то подобное, то жаловалась – Энди обратил на это внимание – на головную боль или расстройство желудка. Являлось ли это физиологической реакцией или неким предупреждением от подсознания, Энди не знал. Ее способности немного усиливались с месячными. Такие вот пустяки, и настолько редко, и Энди уже воспринимал их как норму. Что касается его... Положим, он мог побуждать людей к чему-то. Термина для этого еще не придумали. Наиболее подходящим он считал аутогипноз. Но он не пользовался этим часто, потому что потом болела голова. И большую часть времени полностью забывал о том, что он не совсем нормальный и стал таким с того самого эксперимента в аудитории 70 «Джейсон-Гирней-холла».

Он закрыл глаза и в темноте под веками увидел кровавое пятно в форме запятой, превратившее «CORPUS CALLOSUM» в «COR OSUM».

– Да, это хорошо, – вновь заговорил Куинси, словно Энди в чем-то с ним согласился. – Иначе их могли бы посадить в две маленькие комнаты, где они трудились бы на пределе возможностей, чтобы двести двадцать миллионов американ-

цев чувствовали себя свободными и в безопасности.

– И правильно, – действительно согласился Энди.

– Эти двенадцать человек. Может, этим двенадцати участникам эксперимента дали препарат, не до конца понимая, какое воздействие он оказывает на людей. Возможно, кто-то... скажем, какой-нибудь Безумный Доктор... сознательно обманывал их. А может, он думал, что сознательно обманывает их, а на самом деле обманывали его. Значения это не имеет.

– Не имеет.

– Короче, им дали этот препарат, и, возможно, он чуть изменил их хромосомы. Или сильно изменил. Или – кто знает? И возможно, те двое, которые поженились, решили завести ребенка, и, возможно, этот ребенок унаследовал нечто большее, чем ее глаза и его рот. Может, кто-то заинтересоваться ребенком?

– Готов спорить, что может, – ответил Энди, настолько перепугавшийся, что едва мог говорить. Он решил, что не скажет Вики о своем звонке Куинси.

– Допустим, у тебя есть лимон, и это хорошо, а еще у тебя есть беже, и это тоже хорошо, но если ты их смешиваешь, получается... совершенно новый вкус. Я уверен, кому-то хочется увидеть, на что способен этот ребенок. Они даже захотят забрать его, посадить в маленькую комнату и посмотреть, чем он сможет помочь в борьбе за демократию. Думаю, это все, что я хочу сказать, дружище, за исключением... *He*

высовывайся.

Голоса в комнате призраков.

Не высовывайся.

Он повернул голову, не отрывая ее от подушки, и посмотрел на Чарли, которая крепко спала. *Чарли, детка, что же нам делать? Куда мы можем пойти, чтобы нас оставили в покое? Как все это закончится?*

У него не было ответов на эти вопросы.

Наконец он заснул, а совсем недалеко зеленый автомобиль кружил в темноте в надежде наткнуться на широкоплечего мужчину в вельветовом пиджаке и девочку со светлыми волосами, в красных брючках и зеленой блузке.

Лонгмонт, Виргиния: контора

1

Два красивых южных плантаторских особняка смотрели друг на друга через длинный холмистый луг, исчерченный несколькими изящно изогнутыми велосипедными дорожками и двухполосной гравийной дорогой, которая ныряла за холм и уходила к шоссе. Рядом с одним особняком стоял большой амбар, ярко-красный, с ослепительно белой отделкой. Около второго располагалась длинная конюшня, тоже ярко-красная и тоже с белой отделкой. Чистотой крови лошади этой конюшни не уступали самым лучшим на всем Юге. Между конюшней и амбаром находился неглубокий пруд для уток, в гладкой поверхности которого отражалось небо.

В 1860-х годах владельцы особняков отправились на войну и погибли; со временем умерли все их родственники. В 1954 году два поместья объединили в единый участок, принадлежащий правительству. И теперь здесь располагалась штаб-квартира Конторы.

Солнечным октябрьским утром, следующим после спешного отъезда Энди и Чарли из Нью-Йорка в Олбани, в десять минут десятого, пожилой мужчина с добрыми сверка-

ющими глазами в шерстяной английской шоферской кепке катил на велосипеде к одному из особняков. Позади него, за другим холмом, находился контрольно-пропускной пункт, где компьютерная система идентификации просканировала отпечаток его большого пальца и разрешила въезд. КПП располагался за двумя рядами ограждения из колючей проволоки, отделявшими штаб-квартиру Конторы от остального мира. На наружном семифутовом заборе через каждые шестьдесят футов висели щиты-предупреждения: «ВНИМАНИЕ! СОБСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА! ЗАБОР НАХОДИТСЯ ПОД ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ ТОКОМ НИЗКОГО НАПРЯЖЕНИЯ!» Днем напряжение подавали действительно невысокое. Зато ночью стоявший на территории генератор поднимал его до смертельного, и по утрам команда из пяти егерей объезжала периметр на маленьких электрокарах для гольфа, собирая поджаренные тушки кроликов, кротов, птиц, сурков, иногда зловонных скунсов, а то и оленей. И дважды – тела людей, также поджаренные. Расстояние между наружным и внутренним заборами составляло десять футов. И по этому кольцу круглосуточно бегали сторожевые собаки – выдрессированные доберманы, прекрасно знавшие, что к проволоке прикасаться нельзя. По углам виселись сторожевые вышки, тоже ярко-красные с ослепительно белой отделкой. Охранниками служили непревзойденные специалисты, обученные использовать по назначению всевозможные орудия убийства. Многочисленные видеокамеры вели постоян-

ную съемку территории, изображение в режиме реального времени контролировалось компьютером. В лонгмонтской штаб-квартире сотрудники Конторы чувствовали себя в полной безопасности.

Пожилой мужчина ехал на велосипеде, улыбаясь встречавшимся на пути людям. Лысый старик в бейсболке прогуливал тонконогую кобылу. Он поднял руку и крикнул:

– Привет, Кэп! Отличный денек, правда?

– Это точно, – согласился велосипедист. – Пусть он пройдет для тебя хорошо, Генри.

Подъехав к северному особняку, он слез с велосипеда, поставил его на подножку. Глубоко вдохнул теплый утренний воздух, пружинистой походкой поднялся по ступеням крыльца и миновал дорические колонны.

Открыл дверь, вошел в просторный вестибюль. Молодая рыжеволосая женщина сидела за столом и читала книгу по статистическому анализу. Одна рука удерживала страницу. Другая касалась лежавшего в ящике стола «смит-вессона» 38-го калибра.

– Доброе утро, Джози, – поздоровался пожилой джентльмен.

– Привет, Кэп. Вы сегодня немного припозднились.

Красивым девушкам подобное сходило с рук. Если бы за столом сидел Дуэйн, он бы поплатился за такую вольность. Кэп не был сторонником женского равноправия.

– Заедает передача, дорогая. – Он вставил большой палец

в нужное отверстие. В консоли что-то бухнуло, на панели перед Джози загорелась, мигнув, зеленая лампочка. – А теперь будь хорошей девочкой.

– Ладно, постараюсь, – игриво ответила она и положила ногу на ногу.

Кэп расхохотался и пошел дальше по коридору. Джози смотрела ему вслед, на мгновение задумавшись, а не сказать ли, что двадцать минут назад сюда пришел этот жуткий старик Уэнлесс. Но решила, что Кэп сам скоро все узнает, и вздохнула. Лучший способ испортить такой прекрасный день – поговорить с этим старым пугалом. Однако она полагала, что людям вроде Кэпа, занимавшим столь ответственные посты, жизнь не должна казаться медом.

2

Кабинет Кэпа находился в глубине здания. Из большого панорамного окна открывался прекрасный вид на лужайку позади особняка, амбар и пруд, отчасти затененный ольховыми деревьями. Рич Маккеон катил по лужайке на миниатюрном тракторе-газонокосилке. Кэп постоял, глядя на него, заложив руки за спину, потом прошел в угол, к кофемашине. Наполнил свою флотскую чашку, добавил сухих сливок, сел за стол и нажал клавишу аппарата внутренней связи.

– Привет, Рейчел, – поздоровался он.

– Доброе утро, Кэп. Доктор Уэнлесс...

– Я так и знал! – воскликнул Кэп. – *Знал*. Почувствовал запах этой старой крысы, едва переступил порог.

– Сказать ему, что вы сегодня заняты?

– Не нужно, – стоически ответил Кэп. – Пусть просидит в желтой гостиной все это долбаное утро. Если сам не решит уйти, я приму его перед ланчем.

– Хорошо, Кэп.

Проблема решена, во всяком случае, для Рейчел, с легким раздражением подумал Кэп. Но в действительности Уэнлесс и не был ее проблемой. Если на то пошло, Уэнлесс постепенно превращался в помеху. Он пережил свою полезность и влияние. Что ж, в их распоряжении оставался лагерь на Мауи. И разумеется, Рейнберд.

От этой мысли Кэп вздрогнул... а с ним это нечасто случалось.

Он вновь нажал клавишу аппарата внутренней связи.

– Я хочу еще раз посмотреть досье Макги, Рейчел. И в десять тридцать пригласи ко мне Эла Штайновица. Если Уэнлесс будет здесь, когда мы с Элом закончим, пусть заходит.

– Хорошо, Кэп.

Кэп откинулся на спинку кресла, сложил руки домиком, задержал взгляд на фотографии Джорджа Паттона на стене. Паттон стоял, расставив ноги, на башне танка, словно возомнил себя кем-то вроде Дюка Уэйна.

– Жизнь усложняется, если не давать себе послаблений, – поделился он с фотографией Паттона и начал потягивать кофе.

3

Десять минут спустя Рейчел привезла досье на библиотечной тележке. Шесть коробок с документами и донесениями, четыре – с фотографиями. А также распечатки телефонных разговоров. Телефон Макги прослушивался с 1978 года.

– Спасибо, Рейчел.

– Всегда рада помочь. Мистер Штайновиц будет здесь в половине одиннадцатого.

– Разумеется, будет. Уэнлесс еще не умер?

– Боюсь, что нет, – с улыбкой ответила она. – Просто сидит и смотрит, как Генри прогуливает лошадей.

– Раздирает свои чертовы сигареты?

Рейчел прикрыла рот рукой, как школьница, хихикнула и кивнула.

– С половиной пачки уже справился.

Кэп хмыкнул. Рейчел ушла, и он занялся бумагами. Сколько раз он уже их просматривал за последние одиннадцать месяцев? Десять? Двадцать? Вскоре он выучит их наизусть. И если Эл прав, двое оставшихся Макги будут схвачены до конца недели. От этой мысли в животе зашевелился горячий червячок волнения.

Он начал просматривать досье Макги, доставая лист там, читая отрывок здесь. Именно к такому способу он обычно прибегал, чтобы быстро вспомнить все. Его сознание рабо-

тало на холостом ходу, тогда как подсознание вышло на максимальный режим. Он хотел ухватить не отдельные подробности, а ситуацию в целом. Как говорят бейсболисты, взять контроль.

Сейчас он держал в руке служебную записку Уэнлесса, более молодого Уэнлесса (они все тогда были моложе), датированную 12 сентября 1968 года. Взгляд Кэпа упал на часть абзаца:

...огромную важность в продолжающемся исследовании контролируемых психических феноменов. Дальнейшее тестирование на животных будет контрпродуктивным (см. п. 1 на обороте листа); как я уже указывал на совещании спецгруппы этим летом, проверка на заключенных или любых аномальных личностях может привести к очень серьезным проблемам, если в отдельных случаях выявится высокая, как мы и предполагаем, эффективность «Лота шесть» (см. п. 2 на обороте листа). По этой причине я продолжаю настоятельно рекомендовать ...

Ты продолжал рекомендовать проверить «Лот шесть» на контрольных группах студентов колледжа, приняв беспрецедентные меры предосторожности на случай неудачи, подумал Кэп. В те времена Уэнлесс предпочитал не медлить с принятием решения. Куда там. Исходил из принципа «вперед на всех парах, и плевать на последствия». Проверка «Ло-

та шесть» проводилась на двенадцати студентах. Двое умерли: один во время эксперимента, второй вскоре после его завершения. Двое безвозвратно сошли с ума, и оба превратились в калек: юноша ослеп, у девушки возник психогенный паралич. Обоих отправили в лагерь на Мауи, где им предстояло пребывать до конца своих жалких дней. Оставалось восемь. Один погиб в автомобильной аварии в 1972 году, и эта авария по всем признакам тянула не на аварию, а на самоубийство. Еще один прыгнул с крыши кливлендского почтамта в 1973 году, и тут вопросов не возникало: он оставил предсмертную записку со словами, что «больше не может выносить эти картинки в голове». Кливлендская полиция диагностировала депрессию с суицидальными тенденциями и паранойю. Кэп и Контора поставили свой диагноз: смертельное похмелье от «Лота шесть». После этого осталось шестеро.

Еще трое покончили с собой между 1974 и 1977 годами, доведя общее число самоубийств до четырех, а скорее всего до пяти. Можно сказать, почти половина класса. Все четверо самоубийц вели себя совершенно нормально до того, как использовали пистолет, веревку или крышу высотного здания. Но кто знал, через что им пришлось пройти? Кто на самом деле знал?

Число выживших участников эксперимента сократилось до трех. С 1977 года, когда давно законсервированный проект «Лот шесть» неожиданно приобрел первостепенную

важность, мужчина по имени Джеймс Ричардсон – теперь он жил в Лос-Анджелесе – находился под постоянным наблюдением. В 1969 году он принял участие в эксперименте с «Лотом шесть» и, находясь под воздействием препарата, продемонстрировал тот же удивительный спектр талантов, что и остальные: телекинез, чтение мыслей на расстоянии и – возможно, самый интересный, во всяком случае, с точки зрения Конторы – ментальное доминирование.

Но как и у других, вызванные препаратом паранормальные способности Джеймса Ричардсона, похоже, исчезли полностью после прекращения действия «Лота шесть». Последующие беседы в 1971, 1973 и 1975 годах ничего не выявили. Даже Уэнлессу пришлось это признать, а он горой стоял за «Лот шесть». Регулярные случайные компьютерные выборки (которые стали куда более целенаправленными после того, как семейство Макги привлекло к себе особое внимание Конторы) не выявили абсолютно никаких свидетельств того, что у Ричардсона проявлялось что-то сверхъестественное, сознательно или нет. Он закончил колледж в 1971 году, переезжал все дальше на запад, всегда занимал должность менеджера низшего звена – никакого ментального доминирования – и теперь зарабатывал на жизнь в «Телемайн корпорейшн».

К тому же – гребаный пидор.

Кэп вздохнул.

Они продолжали приглядывать за Ричардсоном, но лич-

но Кэп нисколько не сомневался, что этот человек – отработанный материал. Так что оставались двое, Энди Макги и его жена. Приятная неожиданность их женитьбы не прошла незамеченной ни для Конторы, ни для Уэнлесса; последний принялся бомбардировать штаб-квартиру служебными записками, предлагая установить пристальное наблюдение за любым ребенком, который появится в этой семье, – как говорится, принялся считать цыплят по осени, и у Кэпа не раз и не два возникла мысль сказать Уэнлессу, что Энди Макги, по их сведениям, сделал вазэктомию. Это заткнуло бы старому ублюдку рот. Но потом у Уэнлесса случился инсульт, и его полезность упала до нуля: он превратился в обузу.

С «Лотом шесть» провели только один эксперимент. Результат получился столь катастрофическим, что заметить следы пришлось по полной программе... и обошлось это в немалую сумму. С самого верха поступил приказ ввести бессрочный мораторий на дальнейшие исследования. *Уэнлесс много чего наговорил в тот день*, подумал Кэп... но разговорами все и закончилось. Не было никаких свидетельств того, что русские или какая-то иная мировая держава заинтересованы в разработке препаратов, стимулирующих паранормальные способности, и большой начальник пришел к выводу, что «Лот шесть», несмотря на определенные положительные результаты, – тупиковый вариант. Оценивая долгосрочную перспективу, один из ученых, работавших в проек-

те, сравнил его с установкой реактивного двигателя на старый «форд». Превосходный начальный рывок, и все идет отлично... до первого препятствия. «Дайте нам еще десять тысяч лет эволюции, – сказал тот парень, – и мы предпримем вторую попытку».

Отчасти проблема состояла в том, что в момент достижения максимума пси-способностей разум участников эксперимента отправлялся в путешествие, и контролировать их не представлялось возможным. С другой стороны, узнав о результате, начальство едва не наложило в штаны. Прикрыть смерть агента, даже стороннего свидетеля операции – это одно. Прикрыть смерть студента, скончавшегося от инфаркта, исчезновение двух других и следы истерии и паранойи у остальных – совсем другое. У всех были друзья и знакомые, пусть одним из критериев отбора участников являлось отсутствие или минимальное число близких родственников. Расходы и риски оказались огромными. Им пришлось потратить почти семьсот тысяч долларов на затыкание ртов и отправку в мир иной как минимум одного человека – крестного отца парня, который вырвал себе глаза. Крестный никак не мог уговориться. Собирался добраться до сути. Но добрался – так вышло – только до дна Балтиморской гавани, где скорее всего и находится по сей день, с двумя бетонными блоками, привязанными к тому, что осталось от его ног.

И при этом им еще сильно – можно сказать, чертовски – повезло.

В итоге проект «Лот шесть» положили на полку, но ежегодное бюджетное финансирование оставили. Деньги использовались для выборочного наблюдения за участниками эксперимента: а вдруг проявится какая-то закономерность.

И со временем она проявилась.

Кэп пролистывал папку с фотографиями, пока не нашел черно-белую глянцевую фотографию размером восемь на десять дюймов: на ней была девочка. Фотографию сделали три года тому назад: девочка, тогда четырехлетняя, ходила в детский сад в Гаррисоне. Ее сняли с помощью телеобъектива через заднее окошко фургона, развозившего хлеб, потом увеличили и обрезали, превратив снимок игровой площадки с множеством детей в портрет улыбающегося ребенка с летящими косичками и рукоятками скакалки в каждой руке.

Некоторое время Кэп с нежностью смотрел на фотографию. Уэнлесс после инсульта начал бояться. Уэнлесс думал, что девочку нужно ликвидировать. И хотя Уэнлесс вышел в тираж, многие из оставшихся в игре придерживались того же мнения. Кэп очень надеялся, что до этого не дойдет. У него было три внука: два – возраста Чарлин Макги.

Разумеется, им предстояло разделить девочку и отца. Вероятно, навсегда. Отца почти наверняка ждала ликвидация... после того, как с ним проведут все необходимые исследования.

Часы показывали четверть одиннадцатого. Он позвонил Рейчел.

- Альберт Штайновиц уже здесь?
- Только что прибыл, сэр.
- Очень хорошо. Пригласи его ко мне, пожалуйста.

4

– Я хочу, чтобы ты лично возглавил завершающую стадию, Эл.

– Как скажете, Кэп.

Альберта Штайновица, небольшого роста, с желтоватым цветом лица и очень черными волосами, в молодости иногда путали с актером Виктором Джори. Кэп работал со Штайновицем почти восемь лет – собственно, они вместе пришли сюда с флота – и для него Эл неизменно выглядел так, будто ему вот-вот предстояло лечь в госпиталь без всяких шансов на выздоровление. Курил Эл всегда и везде, за исключением кабинета Кэпа, где такое не дозволялось. Ходил он медленно, степенным шагом, со странным достоинством, а подобное невозмутимое достоинство – редкое качество для любого человека. Но Кэп, видевший медицинские карты всех агентов Первого отделения, знал, что полная достоинства походка Альберта – вынужденная необходимость. Тот страдал от геморроя, перенес две операции и отказался от третьей, которая могла привести к тому, что ему до конца жизни пришлось бы носить привязанный к ноге калоприемник. Своей походкой он напоминал Кэпу русалку, захотевшую стать обычной женщиной, и заплаченную за ноги цену. Кэп полагал, что ее походка отличалась бы не меньшим достоинством.

– Как скоро ты доберешься до Олбани? – спросил он.

– Через час после отъезда отсюда, – ответил Эл.

– Хорошо. Я тебя надолго не задержу. Какая там ситуация?

Альберт сложил маленькие желтоватые руки на коленях.

– Полиция штата сотрудничает с нами по полной программе. Перекрыты все дороги, идущие от Олбани. Блокпосты выставлены концентрическими кругами с центром в аэропорту Олбани. Наибольший радиус – тридцать пять миль.

– Ты предполагаешь, что им не удалось уехать на попутке?

– Приходится предполагать, – ответил Эл. – Если они сумели поймать машину, и их увезли на пару сотен миль, нам придется начать все сначала. Но я готов спорить, что они внутри этого круга.

– Правда? А почему, Альберт? – Кэп наклонился вперед. Альберт Штайновиц был, несомненно, лучшим агентом Конторы, за исключением разве что Рейнберда. Умный, с развитой интуицией... и безжалостный, когда работа того требовала.

– Отчасти это чутье, – ответил Альберт, – отчасти – выводы компьютера, которому мы скормили всю информацию о трех последних годах жизни Энди Макги. Мы попросили выдать все без исключения закономерности, имеющие отношение к дару, которым он вроде бы обладает.

– Он обладает, Эл, – мягко заметил Кэп. – И по этой причине операция становится крайне деликатной.

– Хорошо, обладает, – согласился Эл, – но компьютер предполагает, что возможности использования этого дара у него крайне ограничены. Если он злоупотребляет, ему становится совсем плохо.

– Правильно. Мы рассчитываем на это.

– В Нью-Йорке он занимался консультациями. В стиле Дейла Карнеги.

Кэп кивнул. «Союзники уверенности», курсы повышения самооценки, рассчитанные на застенчивых сотрудников. Они приносили достаточно денег, чтобы Энди и девочке хватало на хлеб, молоко и мясо – но не более того.

– Мы опросили всю его последнюю группу, – продолжил Альберт Штайновиц. – Шестнадцать человек, и для каждого оплата делилась на две части: сто долларов перед началом занятий и сто в середине цикла, если они почувствуют, что занятия им помогают. Разумеется, они все это чувствовали.

Кэп кивнул. Дар Энди удивительным образом подходил для того, чтобы повышать в людях уверенность. Он в прямом смысле слова *вталкивал* их в эту самую уверенность.

– Их ответы на несколько ключевых вопросов мы ввели в компьютер. Вопросы были следующие: улучшалось ли ваше отношение к себе и к компании «Союзники уверенности» в какие-то определенные периоды? Вы помните, как вам работалось сразу после занятий в «Союзниках уверенности», когда вы чувствовали себя тиграми? Добились...

– Чувствовали себя тиграми? – переспросил Кэп. – Гос-

поди, вы спрашивали их, чувствовали ли они себя *тиграми*?

– Эту формулировку предложил компьютер.

– Хорошо, продолжай.

– Третий вопрос: добились ли вы какого-то особенного, значимого успеха на работе после того, как прошли курс обучения в «Союзниках уверенности»? На этот вопрос мы получили самые объективные и заслуживающие доверия ответы. Потому что люди склонны помнить день, когда им прибавили жалованье или босс похлопал их по плечу. И они с таким жаром отвечали на этот вопрос. Меня это даже испугало, Кэп. Он делал все, что обещал. Из шестнадцати человек одиннадцать продвинулись по службе... *одиннадцать*. Из оставшихся пяти трое, в силу специфики работы, могли получить повышение только в фиксированные сроки.

– Никто и не сомневается в способностях Макги, – заметил Кэп. – Уже никто.

– Ладно. Вернусь к главному. Цикл занятий занимал шесть недель. Анализируя ответы на ключевые вопросы, компьютер нашел четыре пиковые даты... то есть дни, когда Макги не только убеждал слушателей как-много-они-могут-сделать-если-постараются, но и сопровождал свою речь мощным импульсом. Полученные нами даты: семнадцатое августа, первое сентября, девятнадцатое сентября... и четвертое октября.

– И о чем это говорит?

– Видите ли, прошлой ночью импульс получил и таксист.

Сильный импульс. Парень до сих пор не может прийти в себя. И мы убеждены, что Энди Макги перестарался. Так что сейчас ему совсем плохо. Вероятно, он даже пошевелиться не в состоянии. – Альберт пристально посмотрел на Кэпа. – Компьютер утверждает, что с вероятностью двадцать шесть процентов он мертв.

– *Что?*

– Он раньше тоже злоупотреблял – и после этого не мог стоять на ногах. Он что-то делает со своим мозгом... одному Богу известно, что именно. Может, возникают микроскопические кровоизлияния. И этот процесс прогрессирует. По расчетам компьютера, чуть больше одного шанса из четырех, что он уже мертв, либо от инфаркта, либо, что более вероятно, от инсульта.

– Ему пришлось воспользоваться своим даром прежде, чем он успел восстановиться, – догадался Кэп.

Альберт кивнул и достал что-то из кармана. Что-то в пластиковом конверте. Передал Кэпу, который посмотрел на предмет и вернул его Штайновицу.

– И что это должно означать? – спросил он.

– Ничего особенного, – ответил Эл, задумчиво глядя на купюру в пластиковом конверте. – Этим долларом Макги расплатился с таксистом.

– Он доехал из Нью-Йорка в Олбани за один доллар? – Кэп вновь взял конверт и с интересом изучил купюру. – Такая поездка должна стоить... что за черт! – Он уронил конверт

на стол и откинулся на спинку кресла, удивленно моргая.

– С вами та же история, да? – спросил Эл. – Вы тоже это увидели?

– Господи, я не знаю, что я видел, – ответил Кэп и потянулся к керамической коробочке, в которой лежали таблетки, понижающие кислотность. – На мгновение мне показалось, что это вовсе не доллар.

– А теперь?

Кэп всмотрелся в купюру.

– Теперь – один доллар. Это Джордж... Господи! – Он так резко откинулся назад, что едва не стукнулся затылком о панель темного дерева. Посмотрел на Эла. – Это лицо... оно вроде бы на секунду изменилось. Появились очки или что-то такое. Это какой-то фокус?

– Да, и чертовски хороший, – ответил Эл, забирая купюру. – Я видел то же самое, хотя теперь перестал. Думаю, как-то приспособился... Хотя понятия не имею, как именно. Ничего такого, конечно же, нет. Это какая-то безумная галлюцинация. Но я даже узнал лицо. Это Бен Франклин.

– Ты забрал эту купюру у таксиста? – спросил Кэп, глядя на нее как зачарованный, ожидая изменения. Но перед ним был Джордж Вашингтон.

Эл рассмеялся.

– Да, – кивнул он. – Мы забрали купюру у таксиста и дали ему чек на пятьсот долларов. Так что он только разбогател.

– В каком смысле?

– Бен Франклин на стодолларовой банкноте – не на пяти-
сотдолларовой. Вероятно, Макги не знал.

– Дай-ка мне.

Эл вернул Кэпу пластиковый конверт с купюрой, и Кэп пристально смотрел на нее не меньше двух минут. И когда уже собрался отдать, она изменилась. Но на этот раз он четко понял, что изменение произошло у него в голове, а не в купюре, или на ней, или где-то еще.

– Вот что я тебе скажу. – Кэп перевел взгляд на Эла. – Я не уверен, но вряд ли Франклин изображен на ста долларах в очках. Иначе это было бы... – Он замолчал, не зная, как закончить фразу. Пришедшее в голову «чертовски странно» определенно не годилось.

– Да, – кивнул Эл. – Что бы это ни было, эффект рассеивается. Этим утром я показал купюру шестерым. Двое подумали, будто что-то увидели, но не в той степени, как таксист и девица, с которой он живет.

– Из этого ты делаешь вывод, что он потратил слишком много энергии?

– Да. И я сомневаюсь, что ему хватило сил двигаться дальше. Они могли улечься спать в лесу или остановиться в каком-нибудь мотеле. А то и влезть в летний домик где-то в округе. Но я думаю, они по-прежнему недалеко от аэропорта, и мы сумеем взять их без особых хлопот.

– Сколько тебе нужно людей?

– Людей у меня достаточно, – ответил Эл. – Считая по-

лицию штата, в операции задействовано более семисот человек. Они знают, что это задача первостепенной важности. Ходят от двери к двери, от дома к дому. Мы уже проверили все отели и мотели в непосредственной близости от аэропорта Олбани... их больше сорока. Теперь расширяем зону поисков, охватываем близлежащие городки. Мужчина с маленькой девочкой... Они выделяются, как белая ворона. Мы их возьмем. Или одну девочку, если он мертв. – Альберт поднялся. – Думаю, мне пора. Хочется быть там, когда мы выйдем на них.

– Конечно. Привези их мне, Эл.

– Обязательно, – пообещал Альберт и направился к двери.

– Альберт?

Он повернулся – невысокий мужчина с кожей нездорового желтого цвета.

– Кто изображен на пятисотдолларовой банкноте? Ты проверял?

Альберт Штайновиц улыбнулся.

– Маккинли. Его убили.

Он вышел, мягко закрыв за собой дверь, оставив Кэпа в раздумьях.

Десять минут спустя Кэп вновь нажал клавишу аппарата внутренней связи.

– Рейнберд уже вернулся из Венеции, Рейчел?

– Да, вчера, – ответила Рейчел, и Кэп подумал, что уловил нотку отвращения в обычно бесстрастном голосе секретарши.

– Он здесь или на Санибеле? – Контора располагала базой отдыха на острове Санибел у побережья Флориды.

Последовала пауза: Рейчел сверялась с компьютером.

– В Лонгмонте, Кэп. Данные на восемнадцать ноль-ноль вчерашнего дня. Вероятно, отсыпается после перелета.

– Пусть его кто-нибудь разбудит. Я хочу увидеться с ним сразу после ухода Уэнлесса... при условии, что Уэнлесс еще здесь.

– Пятнадцать минут назад был.

– Хорошо... я буду ждать Рейнберда в полдень.

– Да, сэр.

– Ты хорошая девочка, Рейчел.

– Благодарю вас, Кэп. – По голосу чувствовалось, что секретарь тронута. Кэпу она нравилась, очень нравилась.

– Пожалуйста, пригласи ко мне Уэнлесса, Рейчел.

Он откинулся на спинку кресла, положил руки перед собой, переплел пальцы и подумал: *Это за мои грехи.*

У доктора Джозефа Уэнлесса инсульт случился в тот самый день, когда Никсон объявил об уходе с поста президента: 8 августа 1974 года. После инсульта его не разбил паралич, но полностью физически он так и не восстановился. Как и умственно, по мнению Кэпа. Именно после инсульта интерес Уэнлесса к эксперименту с «Лотом шесть» и его последствиям стал постоянным и превратился в одержимость.

Уэнлесс вошел в кабинет, опираясь на трость. Свет, лившийся в панорамное окно, отразился от круглых очков без оправы, и на мгновение показалось, что за ними нет глаз. Левая рука Уэнлесса напоминала скрюченную птичью лапку. Левый угол рта изогнулся, застыв в пренебрежительной усмешке.

Рейчел сочувственно посмотрела на Кэпа поверх плеча Уэнлесса. Кэп кивнул, показывая, что она может идти. И она ушла, тихо закрыв за собой дверь.

– Добрый доктор, – мрачно произнес Кэп.

– Как мы продвигаемся? – спросил Уэнлесс и, крякнув, уселся.

– Секретная информация, – ответил Кэп. – Ты же знаешь, Джо. Чем я могу тебе помочь?

– Я обратил внимание на здешнюю суету. – Уэнлесс проигнорировал вопрос. – А что еще мне оставалось делать,

просиживая тут все утро?

– Если приходишь без предварительной договоренности...

– Ты думаешь, вы опять вышли на них, – прервал его Уэнлесс. – Иначе зачем нужен этот мясник Штайновиц? Что ж, может, и вышли. Может, и так. Но раньше вы тоже думали, что вышли, правда?

– Чего ты хочешь, Джо? – Кэпу не нравились напоминания о прошлых неудачах. Однажды они даже взяли девочку. Люди, которые в этом участвовали, до сих пор не оправились – и, возможно, уже никогда и не оправятся.

– Чего я всегда хочу? – переспросил Уэнлесс, нависнув над тростью. *Господи*, подумал Кэп, *старый козел сейчас ударится в риторику*. – Почему я до сих пор жив? Чтобы убедить тебя в необходимости ликвидировать их обоих. А заодно ликвидировать и Джеймса Ричардсона. И ликвидировать тех, кто сейчас на Мауи. Полная ликвидация, капитан Холлистер. Уничтожить их. Стереть с лица земли.

Кэп вздохнул.

Скрюченной рукой Уэнлесс указал на библиотечную тележку.

– Я вижу, ты опять просматривал досье.

– Я знаю его практически наизусть, – ответил Кэп с легкой улыбкой. Последний год он ел и пил с «Лотом шесть». А два предшествовавших года этот вопрос стоял в повестке каждого совещания. Так что, возможно, «Лот шесть» стал

навязчивой идеей не только для Уэнлесса.

Разница в том, что мне за это платят. А для Уэнлесса это хобби. Опасное хобби.

– Ты читаешь документы, но ничему не учишься, – гнул свое Уэнлесс. – Позволь мне еще раз попытаться наставить тебя на путь истинный, капитан Холлистер.

Кэп уже собрался запротестовать, но вспомнил о Рейнберде и предстоящей встрече с ним в полдень. Его лицо тут же разгладилось. Стало спокойным, даже сочувствующим.

– Хорошо, – согласился он. – Стреляй, как будешь готов, Гридли¹¹.

– Ты по-прежнему считаешь меня безумным, правда? Я для тебя псих.

– Это говоришь ты – не я.

– Тебе следует помнить, что именно я первым предложил провести испытания диэтиламида лизергиновой кислоты.

– Случаются дни, когда мне хочется, чтобы ты этого не делал, – ответил Кэп. Стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором появлялся первый отчет Уэнлесса, двести страниц подробного описания нового препарата, сначала известного как ДЛК, потом – среди технического персонала – как «суперкислота», а в конце концов ставшего «Лотом шесть». Одобрил исходный проект предшественник Кэпа.

¹¹ Знаменитый приказ адмирала Соединенных Штатов Джорджа Дьюи (1837–1917), отданный Чарлзу Гридли (1844–1898), капитану флагмана «Олимпия», перед началом Манильской битвы 2 мая 1898 г.

Этого добропорядочного господина уже шесть лет как похоронили на Арлингтонском кладбище со всеми полагающимися воинскими почестями.

– Я просто хочу сказать, что мое мнение должно иметь определенный вес. – Сегодня голос Уэнлесса звучал устало. Слова медленно слетали с языка, растягивались. Когда он говорил, левая часть рта не двигалась.

– Я слушаю, – ответил Кэп.

– На текущий момент я могу утверждать, что остаюсь единственным психологом или медиком, к которому ты прислушиваешься. Твоих людей интересует только одно: что этот мужчина и эта девочка могут сделать для безопасности Америки... и, возможно, для будущего баланса сил. Идя по следу Макги, мы выяснили, что он вроде безобидного Распутина. Он может...

Уэнлесс продолжал бубнить, но Кэп временно перестал его слышать. *Безобидный Распутин*, подумал он. Несмотря на напыщенность, эта фраза ему понравилась. Он задался вопросом, а что бы сказал Уэнлесс, если бы узнал, что, согласно расчетам компьютера, выбираясь из Нью-Йорка, Макги ликвидировал себя с вероятностью, чуть превышавшей двадцать пять процентов. Очевидно, пришел бы в восторг. А если бы он показал Уэнлессу эту странную купюру? *Наверняка его хватил бы второй удар*, подумал Кэп и прикрыл рукой улыбку.

– Прежде всего меня волнует девочка. – Сколько раз Уэн-

лесс говорил ему об этом? Двадцать? Тридцать? Пятьдесят? – Макги и Томлинсон поженились... один шанс из тысячи. Это следовало предотвратить всеми возможными средствами. Но кто мог предположить...

– Ты сам был обеими руками «за», – напомнил Кэп и сухо добавил: – Думаю, ты бы согласился стать посаженным отцом на свадьбе, если бы тебя пригласили.

– Никто из нас не догадывался, – пробормотал Уэнлесс. – Понадобился инсульт, чтобы до меня дошло. «Лот шесть» – как известно, синтетическая копия экстракта гипофиза... невероятно мощное обезболивающее-галлюциноген, механизм действия которого мы не понимали тогда и не понимаем теперь. Мы знаем – во всяком случае, уверены на девяносто девять процентов, – что природный аналог этой субстанции в какой-то степени ответственен за проявления психоспособностей, которые демонстрируют практически все люди, пусть и считанные разы за целую жизнь. И мы наблюдали удивительно широкий спектр этих способностей: ясновидение, телекинез, ментальное доминирование, проявление сверхчеловеческой силы, временный контроль над симпатической нервной системой. Тебе известно, что гипофиз проявляет гиперактивность практически во всех экспериментах по изучению биологической обратной связи?

Кэп это знал. Уэнлесс говорил ему и это, и все остальное бесчисленное число раз. Но отвечать не требовалось. В это утро риторический талант Уэнлесса расцвел пышным цве-

том, лекция только набирала ход. И Кэп был готов слушать... в последний раз. Пусть старик выговорится: для него пошла вторая половина девятого иннинга.

– Да, это так, – ответил на собственный вопрос Уэнлесс. – Гипофиз активен при реализации обратной биологической связи. Он активен в фазе быстрого сна, и люди с повреждениями гипофиза редко спят нормально. У людей с повреждениями гипофиза невероятно часто случаются опухоли мозга и лейкемия. Гипофиз, капитан Холлистер. С точки зрения эволюции, это самая древняя эндокринная железа человеческого организма. В подростковом периоде вещества, которые она впрыскивает в кровеносную систему, по весу во много раз превосходят ее саму. Это невероятно важная эндокринная железа, и невероятно загадочная. Верь я в существование души, капитан Холлистер, я бы говорил, что она обитает в гипофизе.

Кэп хмыкнул.

– Мы все это знаем, – продолжил Уэнлесс, – как знаем, что «Лот шесть» каким-то образом изменил физическое строение гипофиза участников эксперимента. Даже у вашего так называемого «спокойного» Джеймса Ричардсона. Более того, благодаря девочке можно предположить, что он также изменил хромосомную структуру... и эти изменения в гипофизе могут быть настоящей мутацией.

– Произошла передача фактора Икс.

– Нет, – возразил Уэнлесс. – Этот момент – один из

многих, которые тебе не удалось ухватить, капитан Холлистер. После эксперимента Эндрю Макги стал фактором Икс. А Виктория Томлинсон – фактором Игрек: эксперимент повлиял и на нее, но не так, как на ее мужа. Женщина обрела слабую способность использовать телекинетическую энергию. Мужчина обрел среднюю способность использовать ментальное доминирование. А вот девочка... маленькая девочка, капитан Холлистер... что может она? Точно мы этого не знаем. Она – фактор Зет.

– Мы намерены это выяснить, – мягко сказал Кэп.

Теперь оба уголка рта Уэнлесса изогнулись в пренебрежительной усмешке.

– Вы намерены это выяснить, – повторил он. – Да, если проявите настойчивость, то, несомненно, выясните... слепые, одержимые навязчивой идеей глупцы. – Он на мгновение зажмурился и прикрыл глаза рукой. Кэп спокойно наблюдал.

– Одно вы уже знаете. Она зажигает огонь.

– Да.

– Вы предполагаете, что она унаследовала от матери способность к телекинезу. Собственно, вы практически в этом уверены.

– Да.

– Будучи маленьким ребенком, она совершенно не могла контролировать эти... эти свои таланты.

– Маленький ребенок не может контролировать ни ки-

шечник, ни мочевого пузыря. – Кэп использовал примеры из досье. – Но по мере взросления...

– Да, да, я знаком с этой аналогией. Однако и у детей постарше случаются «аварии».

– Мы собираемся держать ее в огнеупорном помещении, – с улыбкой ответил Кэп.

– В камере.

– Если хочешь, можно сказать и так. – Кэп продолжал улыбаться.

– Позволь поделиться с тобой догадкой. Она не любит использовать свою способность. Она ее боится, и этот страх сознательно ей внушили. Я тоже могу привести наглядный пример. Ребенок моего брата. В доме были спички. Фредди хотел с ними играть. Зажигать, потом трясти. Кричать: «Красиво, красиво!» И мой брат решил выработать у него психологический комплекс. Испугать так сильно, чтобы он никогда больше не играл со спичками. Брат сказал Фредди, что головки спичек содержат серу, и если их жевать, зубы сгниют и выпадут. А если смотреть на горящую спичку, можно ослепнуть. И наконец он подержал руку Фредди над зажженной спичкой.

– Твой брат, – пробормотал Кэп. – Звучит как принц крови среди простых смертных.

– Лучше маленькое красное пятнышко на руке мальчика, чем мальчик в ожоговой палате, весь во влажных бинтах, с ожогами третьей степени шестидесяти процентов кожи, –

мрачно ответил Уэнлесс.

– Лучше держать спички там, где ребенок до них не доберется.

– А вы можете положить спички Чарлин Макги так, чтобы она до них не добралась? – спросил Уэнлесс.

Кэп медленно кивнул.

– Логика в твоих словах есть, но...

– Спроси себя, капитан Холлистер: каково пришлось Эндрю и Виктории Макги, когда этот ребенок был младенцем? После того, как они сложили два и два. С бутылочкой припозднились. Малышка плачет. И одновременно одна из мягких игрушек в ее кроватке *вспыхивает, окутываясь клубами дыма*. Подгузник мокрый. Малышка плачет, а мгновением позже загорается грязное белье в бельевой корзине. У тебя есть донесения, капитан Холлистер. Ты знаешь, как жилось в том доме. Огнетушитель и датчик дыма в каждой комнате. А однажды загорелись *ее волосы*, капитан Холлистер. Они вошли в комнату девочки и увидели, что она стоит в кроватке, кричит, а *ее волосы* горят.

– Да, – кивнул Кэп, – наверняка они чертовски занервничали.

– И потому они приучали ее к горшку... и учили пользоваться огнем.

– Пользоваться огнем... – задумчиво повторил Кэп.

– Я лишь хочу сказать, что они действовали, как мой брат – с Фредди. Внушали, что так делать нельзя. Ты привел мне

пример, капитан Холлистер, так давай его проанализируем. Что есть приучение к горшку? Выработка психологического комплекса в чистом виде.

И тут голос старика изменился, превратился в высокий, дребезжащий голос женщины, отчитывающей ребенка. Кэп смотрел на Уэнлесса с брезгливым изумлением.

– Ты плохая девочка! – кричал старик. – Посмотри, что ты наделала! Это отвратительно, видишь, как это отвратительно? Это отвратительно – какать в штанишки! Взрослые какают в штанишки? Это надо делать в горшок, *в горшок!*

– Пожалуйста, – взмолился Кэп.

– Это и есть выработка психологического комплекса, – продолжил Уэнлесс уже своим голосом. – Приучение к горшку достигается концентрацией внимания ребенка на процессе отправления естественных надобностей способом, который мы сочли бы неприемлемым, если бы речь шла о другом объекте фиксации. Ты можешь спросить, насколько глубоко внедряется этот комплекс в разум ребенка. Ричард Деймон из Вашингтонского университета задал себе этот вопрос и провел эксперимент, чтобы найти на него ответ. Он набрал пятьдесят добровольцев и поил их водой, газировкой и молоком, пока они все не почувствовали острое желание облегчиться. По прошествии заданного времени он сказал, что они могут идти... если отольют в штаны.

– Это мерзко! – воскликнул Кэп. Слова Уэнлесса шокировали его и вызвали тошноту. Какой там эксперимент, де-

билизм в чистом виде.

– Видишь, как глубоко укоренился этот комплекс в твоей психике. – Голос Уэнлесса оставался ровным и спокойным. – В двадцать месяцев ты ходил под себя, когда хотел, и тебя это не смущало. Возникло желание пописать – ты просто писал. Мог справить нужду на коленях папы римского, если бы тебя туда посадили, потому что приспичило. Смысл эксперимента Деймона, капитан Холлистер, в следующем: большинство *не смогло*. Они понимали, что обычные правила поведения отброшены, по крайней мере на время эксперимента. Они одни, в помещении, обеспечивающем такое же уединение, как и общественный туалет... но восемьдесят восемь процентов просто *не смогли*. Какой бы сильной ни была физиологическая потребность, психический комплекс, выработанный родителями, оказался сильнее.

– Все это бессмысленная болтовня, – отрезал Кэп.

– Нет. Я хочу, чтобы ты оценил параллели между приучением к горшку и приучением к контролю над огнем... но с одним существенным различием, которое состоит в пропасти между *важностями* достижения первого и второго. Если ребенок медленно приучается к горшку, каковы последствия? Мелкие неудобства. В комнате появляется запах, если ее часто не проветривать. Мама прикована к стиральной машине. Возможно, придется обратиться в химчистку, чтобы вымыли шампунем ковер, когда процесс приучения все-таки закончится. В самом худшем случае у ребенка будет по-

стоянное раздражение кожи, да и то лишь при условии, что детская кожа очень чувствительная или мама не спешит со сменой подгузника. Но с ребенком, который умеет *воспламенять*...

Его глаза блеснули, левая половина рта ухмылялась.

– По моему мнению, Макги показали себя отличными родителями. Каким-то образом они приучили девочку. И смею предположить, начали этот процесс намного раньше, чем начинают приучать к горшку. Возможно, до того, как она начала ползать. «Малышка, нельзя! Малышка может сделать себе больно! Нет, нет, нет! Плохая девочка! Плохая! *Плоха-ая* девочка!»

– Но ваш собственный компьютер, на основании введенных в него данных, предполагает, что она преодолевает этот комплекс, капитан Холлистер. Она в завидном положении, этому способствующем. Она совсем юная, так что за прожитые годы комплекс не затвердел в ее сознании, как цемент. И рядом с ней отец! Ты понимаешь существенность этого простого факта? Нет, не понимаешь. Отец – властная фигура. Он держит психологические вожжи всех фиксаций девочки. Оральные, анальные, генитальные, и за каждой, как силуэт за занавеской, – фигура отца-властителя. Для девочки он – Моисей. Все законы – его законы. Он их устанавливает, она им подчиняется. Он, возможно, единственный человек на Земле, который способен убрать этот психологический блок. Наши комплексы, капитан Холлистер, всегда вы-

зывают у нас агонию и буквально физическую боль, когда те, кто выработал их у нас, умирают, уходят за пределы досягаемости... и милосердия.

Кэп посмотрел на часы: Уэнлесс провел в его кабинете около сорока минут, но казалось, прошло несколько часов.

– Ты заканчиваешь? У меня еще одна встреча...

– Комплексы рушатся, как дамбы после затяжных ливней, – тихо прервал его Уэнлесс. – Допустим, у нас есть неразборчивая в связях девушка девятнадцати лет. Она уже переспала с тремя сотнями мужчин. По числу венерических заболеваний может дать фору сорокалетней проститутке. Но до семнадцати лет она была девственницей. Ее отец, священник, с детства твердил ей, что секс в супружеской жизни – неизбежное зло, а вне семьи – ад и проклятие души, сердцевина первородного греха. И когда такой комплекс уходит, он рушится, как дамба. Сначала появляется трещинка или две, вода течет такими тоненькими струйками, что ее и не заметишь. Согласно выводам вашего компьютера, ситуация с девочкой именно такова. Она использует свои способности, чтобы помочь отцу, по его просьбе. А потом дамба рухнет, выплескивая миллионы галлонов воды, которые уничтожат все на своем пути, утопят всех, кто попадет под волну, полностью изменят ландшафт!

Скрипучий голос Уэнлесса, поначалу тихий, поднялся до надсадного крика... но все равно казался старческим брюзжанием.

– Послушай меня, – не унимался он. – Хотя раз послушай. Сними шоры с глаз. Мужчина сам по себе не опасен. Его сверхъестественные способности – ерунда, игрушка, пустяк. Он это понимает. С ними ему не заработать миллион долларов. Он не правит людьми и странами. Он использует свои способности, чтобы помочь женщинам похудеть. Или помочь застенчивым управленцам обрести уверенность в себе. Он не может использовать свой дар часто или на полную мощь... какой-то внутренний физиологический фактор ограничивает его. Но девочка невероятно опасна. Она в бегах со своим отцом, они борются за выживание. И она очень напугана. Он тоже напуган, отчего становится опасным. Не сам по себе, а тем, что вы заставляете его переобучать девочку. Вы заставляете его изменять ее отношение к силе, которая в ней заложена. Вы заставляете отца побуждать дочь использовать эту силу.

Уэнлесс тяжело дышал.

Разыгрывая сценарий, благо до конца оставалось совсем ничего, Кэп ровным голосом спросил:

– И что ты предлагаешь?

– Мужчину надо убрать. Быстро. До того, как он сможет выкорчевать комплекс, который вместе с женой посадил в сознании девочки. И я уверен, девочку тоже надо убить. На случай, если он уже успел это сделать.

– Она всего лишь маленькая девочка, Уэнлесс. Верно, она умеет зажигать огонь. Мы называем это пирокинезом. А тебя

послушать, так речь о грядущем Армагеддоне.

– Возможно, к этому и придет, – ответил Уэнлесс. – Нельзя позволить ее возрасту и хрупкости одурачить вас, заставить забыть, что она – фактор Зет... Именно это и происходит, между прочим. А если зажигание огня – только вершина айсберга? Допустим, ее способности будут расширяться? Сейчас ей семь. Когда Джону Мильтону было семь, он мог взять кусок угля и написать свое имя, причем буквами, которые разобрали бы только его мама с папой. Потому что он был маленький. А потом Джон Мильтон вырос и написал «Потерянный рай».

– Я не понимаю, о чем, черт побери, ты говоришь.

– Я говорю о потенциале разрушения. Я говорю о сверхъестественных способностях, связанных с гипофизом, эндокринной железой, которая у семилетних детей, таких, как Чарлин Макги, в основном спит. Что произойдет, когда она станет девушкой, а железа проснется и на двадцать месяцев обретет власть над ее телом, начнет командовать всем, от развития первичных и вторичных половых признаков до увеличения выработки родопсина в глазу? Что, если вы получите ребенка, способного *одной только силой воли* произвести ядерный взрыв?

– Большого бреда я никогда не слышал.

– Правда? Тогда позволь мне перейти от бреда к полному безумию, капитан Холлистер. Представь, что этим утром где-то есть маленькая девочка, в которой дремлет – пока еще

дремлет – сила, способная расколоть нашу планету надвое, как пуля в тире раскалывает фаянсовую тарелочку.

Они молча смотрели друг на друга. И тут загудел аппарат внутренней связи.

Секунду спустя Кэп наклонился и нажал клавишу.

– Да, Рейчел? – Черт побери, а ведь старик пронял его, пусть и ненадолго. Он, как ворон, выкликал беду, и Кэп не любил его еще и по этой причине. Сам он относился к оптимистам и пессимистов просто на дух не переносил.

– Вам звонок по защищенной линии. Из служебной зоны.

– Хорошо, дорогая. Спасибо. Задержи его на пару минут.

– Да, сэр.

Кэп откинулся на спинку кресла.

– Я вынужден прервать наш разговор, доктор Уэнлесс.

Будь уверен, я учту все твои доводы.

– Правда? – Неподвижная часть рта Уэнлесса цинично усмехалась.

– Да.

– Девочка... Макги... и этот Ричардсон... они последние члены уравнения мертвых, капитан Холлистер. Сотри их. Пусть останется чистый лист. Девочка очень опасна.

– Я учту все, что ты сегодня сказал, – повторил Кэп.

– Так и сделай. – С этими словами Уэнлесс начал подниматься, тяжело опираясь на трость. Процесс занял много времени. Наконец он встал.

– Зима близко, – пробурчал он. – Старые косточки это

чувствуют.

– Ты останешься на ночь в Лонгмонте?

– Нет, в Вашингтоне.

Кэп замялся, потом сказал:

– Тогда переночуй в «Мейфлауэре». Возможно, я захочу связаться с тобой.

Что-то мелькнуло в глазах старика. Благодарность? Да, почти наверняка.

– Очень хорошо, капитан Холлистер. – И он направился к двери, опираясь на трость, – старик, который однажды открыл ящик Пандоры и теперь хотел перестрелять все, что вылезло из него, вместо того чтобы заставить работать.

Едва за ним закрылась дверь, Кэп облегченно выдохнул и снял трубку телефонного аппарата защищенной линии.

– С кем я говорю?

– Орв Джеймисон, сэр.

– Вы их взяли, Джеймисон?

– Еще нет, сэр, но мы наткнулись на кое-что интересное в аэропорту.

– Что именно?

– Все телефоны-автоматы пусты, сэр. И в некоторых будках мы нашли на полу четвертаки и десятицентовики.

– Телефоны вскрыты?

– Нет, сэр. Поэтому я вам и звоню. Они не вскрыты, просто пусты. Телефонная компания в бешенстве.

– Понятно, Джеймисон.

– Это ускорит поиски. Мы подумали, что этот парень, возможно, спрятал девочку, а в мотеле зарегистрировался в одиночку. Но все равно, нам нужен мужчина, который расплачивался мелочью.

– Если они в мотеле, а не в каком-нибудь пустующем летнем лагере.

– Да, сэр.

– Продолжайте, Оу-Джей.

– Да, сэр. Благодарю, сэр. – Агент явно обрадовался, что Кэп вспомнил его прозвище.

Кэп положил трубку. Минут пять сидел, прикрыв глаза,

в глубоком раздумье. Мягкий осенний свет вливался в панорамное окно, освещал и согревал кабинет. Потом Кэп наклонился и нажал клавишу аппарата внутренней связи.

– Джон Рейнберд пришел?

– Он здесь, Кэп.

– Дай мне пять минут, а потом пригласи его. Сейчас я хочу поговорить с Норвиллом Бейтсом из служебной зоны. Он там главный до приезда Эла.

– Да, сэр. – В голосе Рейчел звучало сомнение. – Но говорить придется по открытой линии. По радиии. Не очень на...

– Ничего, сойдет, – нетерпеливо ответил он.

На соединение ушло две минуты. Потом послышался голос Бейтса, тонкий и срывающийся. Кэпу Бейтс нравился – без богатого воображения, но упорный и работающий. Именно такой человек, по мнению Кэпа, и требовался, чтобы руководить операцией, пока Эл Штайновиц в пути. Норвилл доложил, что они расширяют зону поисков, охватывая соседние города: Оуквилл, Тремонт, Мессалонсетт, Гастингс-Глен, Лутон.

– Хорошо, Норвилл, действуйте в том же духе, – похвалил его Кэп и подумал о словах Уэнлесса: *Вы заставляете его переобучать девочку*. Подумал о словах Джеймисона насчет выпотрошенных телефонов-автоматов. Макги этого сделать не мог. Это сделала девочка. А потом еще и сожгла ботинки солдата, возможно, случайно. Уэнлесс порадовался бы, узнав, что Кэп все-таки намеревался отчасти воспользовать-

ся его советом. Старый говнюк в это утро был удивительно красноречив.

– Ситуация изменилась. К большому парню примените крайние меры. Радикальные меры. Ты меня понял?

– Радикальные меры, – бесстрастно ответил Норвилл. – Да, сэр.

– Очень хорошо, Норвилл, – мягко сказал Кэп, положил трубку и стал ждать прихода Рейнберда.

Мгновением позже дверь открылась, и на пороге возник он сам, во всей своей красе. Рейнберд обладал врожденной легкостью движений, этот полукровка-чероки, и если ты смотрел на стол, читая или отвечая на письмо, то нипочем бы не догадался, что в кабинете есть кто-то еще. Кэп знал, насколько редкое это качество. Большинство людей сразу чувствуют присутствие другого человека. Уэнлесс однажды назвал эту особенность не шестым чувством, а глубинным знанием, рожденным от бесконечно малого потока информации, поступающей от остальных пяти чувств. Но с Рейнбердом оно не помогало. Ни одна из тончайших сенсорных растяжек не рвалась, даже не начинала вибрировать. Эл Штайновиц, когда однажды они пили портвейн в гостиной Кэпа, дал Рейнберду необычную характеристику: «Он единственный знакомый мне человек, который при ходьбе не толкает перед собой воздух». Кэпа радовало, что Рейнберд на их стороне: из всех людей, с кем сталкивала его судьба, он панически боялся только Рейнберда.

Рейнберд был троллем, орком, балрогом в образе человека. Рост под семь футов. Блестящие черные волосы туго стянуты в конский хвост. Десять лет назад, во время его второй командировки во Вьетнам, перед ним взорвалась осколочная противопехотная мина, и теперь его лицо представляло собой сплошные шрамы и рубцовую ткань. На месте левого глаза зияла дыра. Он не прибегал к помощи пластических хирургов и не вставлял стеклянный протез, говоря, что в счастливой стране вечной охоты, куда он попадет, уйдя из этого мира, его попросят показать боевые шрамы. Когда он это говорил, собеседник не знал, верить ему или нет, серьезен ли Рейнберд или по каким-то причинам вешает лапшу на уши.

Все эти годы Рейнберд был первоклассным агентом: отчасти потому, что никак не выглядел агентом секретной службы, но в основном благодаря цепкому, невероятно острому уму, скрывавшемуся под этим чудовищным лицом-маской. Он свободно говорил на четырех языках, понимал еще три. Проходил курс обучения во сне русскому языку. Говорил низким, благозвучным голосом интеллигентного человека.

– Добрый день, Кэп.

– Уже день? – удивленно переспросил Кэп.

Рейнберд улыбнулся, продемонстрировав полный набор идеально белых зубов. Акульных, подумал Кэп.

– Полдень миновал четырнадцать минут назад. Я купил электронные часы «Сейко» на черном рынке в Венеции. За-

вораживает. Маленькие черные цифры, которые постоянно меняются. Великое достижение технического прогресса. Я часто думаю, Кэп, что мы сражались во Вьетнаме не для того, чтобы победить, а чтобы двигать вперед технический прогресс. Мы сражались, чтобы создать дешевую электронику: наручные часы, домашнюю игру «Пинг-понг», в которую можно сыграть на телевизоре, карманный калькулятор. Я смотрю на свои новые часы в ночной тьме. И они говорят мне, насколько я ближе к смерти, секунда за секундой. Это хорошие новости.

– Присядь, старина, – предложил Кэп. Как и всегда при разговоре с Рейнбердом, во рту у него пересохло, и приходилось контролировать пальцы, которые стремились сплестись и завязаться узлом на полированной поверхности стола. При этом Кэп полагал, что Рейнберд относится к нему крайне благожелательно... если Рейнберду вообще мог кто-то нравиться.

Рейнберд, одетый в старые синие джинсы и вылинявшую рубашку из «шамбре», сел.

– Как Венеция? – спросил Кэп.

– Тонет, – ответил Рейнберд.

– У меня есть для тебя работа, если, конечно, хочешь. Она небольшая, но может повлечь за собой задание, которое ты найдешь более интересным.

– Слушаю вас.

– Только на добровольной основе, – добавил Кэп. – Ты по-

прежнему в отпуске.

– Слушаю вас, – повторил Рейнберд, и Кэп все ему изложил.

Разговор занял пятнадцать минут, но Кэпу показалось, что не меньше часа. Когда здоровяк индеец ушел, Кэп глубоко вздохнул. Уэнлесс и Рейнберд в одно утро – это перебор. Однако утро закончилось, многое сделано, и кто знал, что могла принести вторая половина дня? Он позвонил Рейчел.

– Да, Кэп?

– Я поем в кабинете, дорогая. Тебя не затруднит принести мне что-нибудь из кафетерия? Что именно, значения не имеет. Все равно. Заранее тебе благодарен.

Наконец-то он остался один. Телефон защищенной линии молчал, набитый микросхемами, чипами памяти и еще бог знает чем. Возможно, когда он зазвонит снова, Альберт или Норвилл сообщат, что операция в Нью-Йорке завершена: девочка схвачена, ее отец мертв. Ему бы хотелось услышать эту отличную новость.

Кэп снова закрыл глаза. Мысли и фразы проплывали в сознании вереницей больших, неторопливых воздушных змеев. Ментальное доминирование. Парни из аналитического центра видели в этом огромный потенциал. Представьте себе такого Макги рядом с Фиделем Кастро или аятоллой Хомейни. Представьте себе этого человека, подошедшего достаточно близко к сочувствующему коммунистам Теду Кеннеди и тихим голосом поведавшего, что самоубийство – идеальный

вариант. Представьте себе, как он воздействует на командиров различных коммунистических партизанских движений. Жаль, что придется его потерять. Но... что случилось однажды, может случиться вновь.

Эта маленькая девочка. «Сила, способная расколоть нашу планету надвое, как пулька в тире раскалывает фаянсовую тарелочку», – сказал Уэнлесс. Глупость, конечно. Уэнлесс рехнулся. Словно маленький мальчик из рассказа Д.Г. Лоуренса, тот самый, что мог называть победителей на скачках. «Лот шесть» превратился для Уэнлесса в соляную кислоту, которая прожгла огромные дыры в его здравом смысле. Она маленькая *девочка*, а не оружие Судного дня. И они должны пообщаться с ней достаточно долго для того, чтобы понять, какая она теперь и какой может стать. Одного этого будет достаточно, чтобы возобновить программу исследований «Лота шесть». А если удастся убедить девочку использовать ее способности на благо страны – тем лучше.

Тем лучше, мысленно повторил Кэп.

Внезапно тишину кабинета разорвал долгий, хриплый крик телефона защищенной линии.

С колотящимся сердцем Кэп схватил трубку.

Происшествие на ферме Мандерсов

1

Пока в Лонгмонте Кэп обсуждал с Элом Штайновицем будущее Чарли Макги, та сидела на краю кровати в номере 16 мотеля «Страна снов», зевая и потягиваясь. Яркий солнечный свет лился в окно с густо-синего осеннего неба. И в добром дневном свете все выглядело гораздо лучше.

Чарли посмотрела на своего папулю, который неподвижно лежал под одеялами. Торчал только клоч темных волос. Она улыбнулась. Он всегда очень старался. Если им обоим хотелось есть, а у них было только одно яблоко, он откусывал кусочек, а остальное отдавал ей. Он всегда очень старался, если бодрствовал.

А когда спал, стягивал на себя все одеяла.

Она пошла в ванную, сняла трусики, включила душ. Пока вода нагревалась, сходила по-маленькому, потом вошла в душевую кабину. Горячая струя обрушилась на нее, и она с улыбкой закрыла глаза. На свете нет ничего лучше, чем первые минуты под горячим душем.

(прошлой ночью ты вела себя плохо)

Чарли нахмурилась.

(Нет. Папуля сказал «нет».)

(подожгла ботинки того дяди, плохая девочка, очень плохая, тебе нравится, что медвежонок весь черный?)

Чарли нахмурилась еще сильнее. К тревоге добавились страх и стыд. Мысль о плюшевом медвежонке даже не оформилась, осталась в подсознании, и, как обычно, чувство вины словно выразилось в запахе чего-то горелого, паленого: обуглившейся материи и набивки. Этот запах вызвал из памяти смутные видения отца и матери, склонившихся над ней: они были такими *большими*, просто гигантами, и они испугались, они злились, а их голоса гремели и грохотали, словно катящиеся по склону горы камни в каком-то фильме.

(плохая девочка! очень плохая! ты не должна так делать, Чарли! никогда! никогда! никогда!)

Сколько ей тогда было? Три года? Два? С какого возраста человек себя помнит? Однажды она спросила папулю, и папуля ответил, что не знает. По его словам, он помнил укусы пчелы, и мать сказала, что это случилось, когда ему было пятнадцать месяцев.

У нее первым воспоминанием были гигантские лица, склонившиеся над ней, громкие голоса, грохочущие, как валуны на горном склоне, и запах горелой вафли. Тот запах шел от ее волос. Она подожгла свои волосы, и они сгорели почти полностью. Именно после этого папуля упомянул «помощь», и мамочка повела себя странно: сначала смеялась,

потом плакала, снова смеялась, так пронзительно и необычно, что папуля ударил ее по лицу. Чарли запомнила, потому что, насколько она знала, это был единственный раз, когда папуля так поступил по отношению к мамочке. Может, мы должны подумать о том, чтобы пригласить кого-то, кто окажет ей «помощь», сказал папуля. Они находились в ванной, и у нее была мокрая голова, потому что папуля поставил ее под душ. Да, ответила мамочка, давай подьедем к доктору Уэнлессу, он окажет нам «помощь» в полном объеме, как и прежде... а потом смех, слезы, снова смех и оплеуха.

(ты была такой ПЛОХОЙ прошлым вечером)

– Нет, – пробормотала она под барабанную дробь душа. – Папуля сказал, что нет. Папуля сказал, это... могло... быть... его... лицо.

(ТЫ БЫЛА ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ПРОШЛЫМ ВЕЧЕРОМ)

Но им требовалась мелочь из телефонов-автоматов. Папуля так сказал.

(ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ!)

Тут она снова начала думать о мамочке, о том времени, когда ей шел шестой год. Чарли не нравилось об этом думать, но воспоминание явилось, и она ничего не могла поделать. Это случилось как раз перед тем, как пришли плохие люди и причинили мамочке боль.

(убили ее, ты хочешь сказать, они убили ее)

Да, правильно, прежде чем они *убили ее* и забрали Чарли с собой. Когда подошло время сказки, папуля посадил ее на

колени, только на этот раз у него не было книги о Пухе и Тигре, о мистере Жабе и большом стеклянном лифте Вилли Вонки. Вместо этого он принес толстые книги без картинок. Она сморщила носик и попросила рассказать про Пуха.

«Нет, Чарли, – ответил он. – Я хочу почитать тебе другие истории, и ты должна послушать. Я думаю, ты уже достаточно взрослая, и твоя мама того же мнения. Эти истории, возможно, немного испугают тебя, но они важные. И это реальные истории».

Она запомнила названия книг, из которых папуля читал ей истории, потому что они напугали ее. «Внемли!» Чарльза Форта. «Непонятнее самой науки» Фрэнка Эдвардса. «Правда ночи». Еще одна называлась «Пирокинез: свидетельства», но из последней мамочка читать папуле не позволила. «Позже, – сказала она. – Когда девочка станет старше, Энди». Книгу убрали, чему Чарли только порадовалась.

Истории пугали, это точно. В одной рассказывалось о человеке, который заживо сгорел в парке. В другой – о женщине, которая сгорела в своем трейлере, но внутри не сгорело ничего, кроме самой женщины, да немного обуглился стул, на котором она сидела и смотрела телевизор. Чарли поняла отнюдь не все, но запомнила слова полицейского: «У нас нет объяснения этой смерти. От жертвы остались лишь зубы и несколько обугленных костей. Так человек может сгореть только в реактивном двигателе, но вокруг ничего даже не обуглилось. Мы не можем объяснить, почему не вспыхнул

весь трейлер».

В третьей истории речь шла о большом мальчике – одиннадцати или двенадцати лет, – который сгорел на пляже. Отец кинул его в воду, получив при этом сильные ожоги, но мальчик продолжал пылать, пока не сгорел дотла. Еще в одной истории девочка-подросток сгорела, находясь в исповедальне, когда каялась в грехах священнику. Чарли все знала о католических исповедальнях, потому что ей рассказывала о них ее подруга Дини. Она утверждала, что священнику надо говорить обо всем плохом, что ты сделала за неделю. Сама Дини еще не ходила на исповедь, потому что не получила первого причастия, но ее брат Карл ходил. Карл учился в четвертом классе и был вынужден рассказывать все, даже то, как тайком пробрался в спальню матери и украл несколько шоколадных конфет, подаренных ей на день рождения. А если ты не расскажешь священнику все, то не сможешь умыться КРОВЬЮ ХРИСТА и попадешь в ПЕКЛО.

Смысл всех этих историй не ускользнул от Чарли. Ее так напугала история о девочке, загоревшейся в исповедальне, что она расплакалась.

– Я тоже сожгу себя? – сквозь слезы спрашивала она. – Как в тот раз, когда я подожгла свои волосы? Я сгорю дотла?

Папуля и мамочка выглядели огорченными. Мамочка побледнела и кусала губы, но папуля обнял Чарли за плечи.

– Нет, милая. Нет, если ты всегда будешь помнить об осторожности и не думать... о том, что ты иногда делаешь, когда

расстроена или испугана.

– Что это? – выкрикнула Чарли. – Что это, скажите мне, что это такое? Я даже не понимаю. Я никогда не буду этого делать, *обещаю!*

– Насколько я знаю, дорогая, – сказала мамочка, – это называется пирокинезом. Это слово означает способность зажигать огонь, просто подумав об этом. Обычно такое случается, когда люди расстроены. Некоторые люди, вероятно... обладают этой способностью всю жизнь, но не знают об этом. А другие... выпускают эту свою способность из-под контроля и тогда они... – Она не закончила.

– Они поджигают себя, – уточнил папуля. – Как случилось с тобой. Когда ты была маленькой и подожгла себе волосы. Но ты можешь это контролировать, Чарли. *Должна*. И Бог свидетель, твоей вины тут нет. – Произнося эти слова, он встретился взглядом с мамочкой, и между ними что-то промелькнуло. – Иногда ты ничего не можешь с собой поделать, я знаю. – Он продолжал обнимать ее за плечи. – Это инцидент, такой же, как «аварии», что случались с тобой в раннем детстве, когда ты, заигравшись, забывала пойти в туалет и писала в штанишки. Мы это так и называли: «авария». Помнишь?

– Я больше этого не делаю.

– Разумеется, не делаешь. И через какое-то время ты точно так же начнешь контролировать и то, другое. Но сейчас, Чарли, ты должна пообещать, что *никогда, никогда, никогда*

не будешь расстраиваться подобным образом, если можно этого избежать. Расстраиваться до такой степени, что в результате вспыхивает огонь. А если избежать этого невозможно, если ты ничего не можешь поделать, отталкивай это от себя. Направляй на мусорную корзину или на пепельницу. Постарайся выбраться на улицу. Постарайся направить это на воду, если она есть поблизости.

– Но никогда – на человека, – вставила мамочка с бледным, застывшим, серьезным лицом. – Это может быть опасно, Чарли. Это будет очень плохой поступок, потому что ты можешь... – Она запнулась, но заставила себя продолжить: – ...ты можешь убить человека.

И тут Чарли истерически разрыдалась, от ужаса и угрызений совести, потому что на руках мамочки белели повязки, и она знала, почему папуля читал ей все эти страшные истории. Днем раньше, когда мамочка сказала, что не отпустит ее к Дини, поскольку она не прибралась в своей комнате, Чарли очень разозлилась, и разом появилось огнечудище, выпрыгнуло неизвестно откуда, как случалось всегда, будто чертик из табакерки, покачиваясь и ухмыляясь, и от злости она вытолкнула его из себя и к мамочке, и тут же руки мамочки вспыхнули. Но ни к чему совсем ужасному это не привело, *(могло быть гораздо хуже это могло быть ее лицо)*

потому что раковину наполняла мыльная вода для посуды, ни к чему ужасному это не привело, однако она все равно поступила **ОЧЕНЬ ПЛОХО**, и она пообещала им обоим, что

никогда, никогда, никогда...

Горячая вода лилась на лицо, плечи, грудь, обволакивая теплой пеленой, коконом, унося воспоминания и заботы. Папуля *сказал* ей, что все хорошо. А если папуля это сказал, значит, так оно и есть. Он самый умный человек на свете.

Мыслями она вернулась из прошлого в настоящее, подумала о людях, которые их преследовали. Они работали на правительство, говорил ей папуля, но не на хорошую его часть. Они работали на правительственное учреждение, которое называлось Конторой. Эти люди преследовали и преследовали их. Куда бы они ни шли, через какое-то время там появлялись люди из Конторы.

Интересно, понравилось бы им, если бы я напустила на них огонь? – холодно спросил ее разум, и она зажмурилась от ужаса и чувства вины. Так думать нельзя. Так думать плохо.

Чарли протянула руку, схватила кран горячей воды, резко повернула. Потом две минуты стояла, дрожа, обхватив худенькое тельце руками, под ледяными, колючими иглами, желая выбраться, но не позволяя себе.

За плохие мысли надо платить.

Так говорила Дини.

2

Энди просыпался постепенно, под далекую барабанную дробь воды. Поначалу шум этот являлся частью сна: он на Тэшморском пруду с дедушкой, ему восемь лет и он пытается насадить извивающегося червяка на крючок, не проткнув большой палец. Сон был невероятно ярким. Он видел плетеную корзину для рыбы на носу лодки, красные резиновые заплатки на старых зеленых сапогах Грантера Макги, свою старую, потрескавшуюся перчатку игрока первой базы, которая напомнила ему, что завтра у него тренировка в команде Малой лиги на поле Рузвельта. Но рыбу они ловили вечером, когда уходящий день и надвигающаяся темнота слились в сумерки, а озеро словно застыло, и над идеально гладкой поверхностью цвета хрома вились облачка мошкары и комаров. То и дело сверкали зарницы, а может, и настоящие молнии, потому что пошел дождь. Первые крупные капли темными пятнами упали на выбеленное временем дерево дедушкиной плоскодонки. А потом над озером разнесся какой-то звук, низкое и загадочное шипение, как...

...как шум...

...душа, души, Чарли, наверное, принимает душ.

Он открыл глаза, посмотрел на незнакомые потолочные балки.

Где мы?

Постепенно все встало на свои места, но не обошлось без мгновения паники: слишком во многих городах и мотелях побывали они за последний год, слишком часто им приходилось бежать куда глаза глядят, слишком велико было напряжение, в котором они жили. Он с тоской подумал о своем сне. Как же ему хотелось вернуться туда, к Грантеру Макги, умершему двадцать лет назад.

Гастингс-Глен. Он в Гастингс-Глене. Они в Гастингс-Глене.

Он тут же подумал о своей голове. Она болела, но не так, как прошлой ночью, когда бородатый водитель помог им скрыться. Боль уже не раскалывала голову, а слабо пульсировала в висках. И если все пойдет как прежде, к вечеру она еще уменьшится, а на завтра исчезнет.

Душ выключили.

Он сел, посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать.

– Чарли?

Она вошла в спальню, энергично растираясь полотенцем.

– Доброе утро, папуля.

– Доброе утро. Как ты?

– Хочу кушать. – Она подошла к стулу, на котором сложила одежду, взяла зеленую блузку. Понюхала. Скорчила гримаску. – И мне надо сменить одежду.

– Какое-то время придется походить в этой, детка. Сегодня мы тебе что-нибудь добудем.

– Надеюсь, поесть нам удастся быстрее.

– Мы поймаем попутку и остановимся у первого кафе, – пообещал он.

– Папуля, когда я пошла в школу, ты говорил мне, что нельзя ездить в машине с незнакомцами. – Надев трусики и зеленую блузку, она с любопытством смотрела на него.

Энди поднялся, подошел к ней, положил руки на плечи.

– Незнакомый черт иной раз лучше знакомого. Ты понимаешь, что это означает?

Чарли задумалась. Догадалась, что знакомый черт – люди из Конторы, которые вчера преследовали их по улицам Нью-Йорка. Незнакомый черт...

– Ты хочешь сказать, что большинство водителей не работают на Контору, – с улыбкой ответила она.

Он улыбнулся в ответ.

– Ты все поняла правильно. И то, что я говорил тебе раньше, Чарли, тоже остается в силе: когда ты загнан в угол, приходится делать то, что при других обстоятельствах ты никогда бы не сделал.

Улыбка Чарли поблекла. Лицо стало серьезным, внимательным.

– Например, брать деньги из телефонов-автоматов?

– Да.

– И в этом не было ничего плохого?

– В сложившихся обстоятельствах – не было.

– Потому что если тебя загнали в угол, ты делаешь все возможное, чтобы из него выбраться.

– С некоторыми исключениями, да.

– Какими исключениями, папуля?

Он взъерошил ее волосы.

– Сейчас это не важно, Чарли. Успокойся.

Но у нее не получалось.

– И я не собиралась поджигать ботинки тому человеку. Я сделала это не нарочно.

– Да, разумеется, не нарочно.

Тут она успокоилась. Ее улыбка, такая же, как у Вики, вернулась, осветила лицо.

– Как твоя голова, папуля?

– Гораздо лучше, спасибо.

– Хорошо. – Она пригляделась к отцу. – С твоим глазом что-то странное.

– С каким?

Она указала на левый.

– Этим.

– Да?

Он пошел в ванную, протер кусочек запотевшего зеркала.

Долго рассматривал глаза, и хорошее настроение испарялось. Правый остался прежним, серо-зеленым, цвета океана в пасмурный весенний день. Радужка левого тоже была серо-зеленой, но белок заливала кровь, а зрачок выглядел меньше правого. И веко нависало над глазом, чего он раньше не замечал.

В мозгу зазвучал голос Вики. Такой ясный и отчетливый,

словно она стояла рядом. *Твои головные боли, они пугают меня, Энди, ты что-то делаешь с собой, не только с другими людьми, когда посылаешь этот импульс или как там ты его называешь.*

Мысль эта вызвала образ воздушного шарика, который надувается... надувается... надувается... и в конце концов с грохотом лопается.

Он начал тщательно ощупывать левую половину лица, прикасаясь к ней подушечками пальцев правой руки. Будто мужчина в телевизионном рекламном ролике, наслаждающийся чистотой бритья. Нашел три участка – под левым глазом, на левой скуле, чуть ниже левого виска, – полностью потерявшие чувствительность. Страх просочился в тело, словно вечерний туман. Страх не за себя, а за Чарли: что будет, если она останется одна?

И словно услышав его мысли, дочь возникла в дверном проеме. Он видел ее в зеркале.

– Папуля? – Голос Чарли звучал испуганно. – Ты в порядке?

– Все отлично. – Его голос звучал как надо. Ни дрожи, ни ложной самоуверенности. Ровный и спокойный. – Просто думаю, что надо побриться.

Она поднесла руку ко рту, засмеялась.

– Твоя щека – как стальная мочалка для посуды. Фу! Гадость.

Он побежал за ней в спальню, поймал, потерял своей

небритой щекой о ее гладкую. Чарли смеялась и брыкалась.

3

Пока Энди щекотал дочь своей щетиной, Орвилл Джей-мисон, он же Оу-Джей, он же Оранжад, и другой агент Конторы, Брюс Кук, вылезали из светло-синего «шеви» рядом с «Гастингской закуской».

Оу-Джей задержался на мгновение, оглядел Мэйн-стрит. Косые парковочные клетки, магазин бытовой техники, продовольственный магазин, две заправки, аптека, деревянное муниципальное здание с мемориальной доской, сообщавшей, что здесь произошло какое-то историческое событие, которое теперь никого не интересовало. Мэйн-стрит по совместительству являлась шоссе номер 40, и Макги находились менее чем в четырех милях от синего «шеви», из которого только что выбрались Оу-Джей и Брюс Кук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.